

ТЫ БЫЛ МОЕЙ ВЫДУМКОЙ
БЫЛ ЗАБВЕНЬЕМ..
А СТАЛ КОШМАРОМ НАЯВУ

ДОЛИНА ПАДАЮЩИХ ПТИЦ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕЛЕНА ФИЛОН

18+

Елена Филон

Долина падающих птиц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42538076

SelfPub; 2019

Аннотация

Я придумала Его в самые сложные часы жизни, когда балансировала на краешке доски, готовясь упасть в пропасть. Я придумала Его, как награду за мучения. Как временное укрытие. Как укол обезболивающего, перед конечной остановкой в Аду. Я придумала Его. Я создала Его. Я полюбила Его... Мальчика с ангельской внешностью и чёрной дырой вместо сердца. Он был моей любимой выдумкой, а стал кошмаром наяву. Ведь стоило лишь перестать нуждаться в нём, и моя ожившая фантазия постучала в дверь, нагло ухмыльнувшись и беспощадно выставив счёт.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	43
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	91
Глава 7	111
Глава 8	122
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Елена Филон

«Долина падающих птиц»

В оформлении обложки использована фотография с depositphotos.com Автор – prometeus

Обсудить роман можно здесь – https://vk.com/topic-79427714_39513020

Все герои вымышленные. Все совпадения с реальными людьми случайны.

Пролог

Ты был моей выдумкой.

Моим забвением.

А стал кошмаром наяву.

– Добрый день, Вероника. Или лучше обращаться к тебе

– Ника?

– Как хотите, – отвечаю безразлично, отстукивая ногтями по столешнице.

– Сними с неё наручники, – кивает охраннику женщина в идеально выглаженном деловом костюме, красивым макияжем и блестящими светлыми волосами, стянутыми в тугий конский хвост.

– Не положено, – отвечает ей тот.

– Под мою ответственность! Снимай.

– Отличное начало. Мне нравится. А вы собственно... кто? Новый следак?

– Я судебный психоаналитик, Ника. И я не собираюсь тебя мучить тебя допросами. Я приехала, чтобы помочь тебе.

– О, серьёзно?.. Ещё один мозгоправ? До вас уже пытались. Так что если не собираетесь перерезать горло охране и вызвать на крышу СИЗО спасительный вертолёт, то помочь

вы мне ничем не можете.

– Для начала, я попытаюсь понять твою историю. Но не с помощью личного дела, – я хочу услышать её от тебя.

– И зачем же вам эта пустая трата времени, доктор? Вы ведь всё равно не собираетесь верить мне, так потратьте же эти часы с пользой для себя.

– Я хочу попытаться...

– Попытаться поверить в то, чего, по сути, существовать не может?.. А вы уверены, что выбрали правильную профессию, *доктор*?

– Мне плевать. В психиатрической лечебнице, куда меня отправят, срок меряется не тяжестью совершённого преступления, а тяжестью психического состояния. А это значит, что торчать мне там до старости. Так что не могли бы вы все уже отвалить от меня со своими бесконечными тестами и допросами?!

– Боюсь, я не могу этого сделать. Слишком многое в твоей истории не сходится, а результаты тестов вызывают много вопросов. Твоя история, она... слишком странная, Ника. Именно поэтому я здесь.

– Надо же. Такие как вы ещё существуют?

– Ты должна верить мне. Я, правда, хочу помочь.

– А, вы не в курсе? Так я же созналась в преступлении. Вы ведь этого хотели! Вы все! Что ещё вам от меня надо?

– Твоя история. И даю слово, если получится убедить *меня*, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вытащить тебя отсюда и помочь забыть обо всём, как о кошмарном сне.

– О, правда, что ли?.. Думаете, способны помочь мне?.. Вы ошибаетесь... эм-м... как вас там?

– Зови меня – Ева. И я готова выслушать тебя.

– Вы заставляете повторять меня одно и то же! Но никак не можете понять, что вам не найти ЕГО! Никому из вас... его не найти, потому что ОН этого не хочет! Думаете, он внушил мне это?.. О, это не так, – он внушил это всем ВАМ!

– Ника, прошу, успокойся. Я вовсе не пыталась поставить под сомнение его существование, я лишь...

– Ха! Но это так. Вы здесь зря теряете время, доктор. Делаете свою долбаную важную работу, просто потому, что этого требует следствие? Вам хоть сверхурочные за это платят?.. Почему бы вам просто не убраться из этой грязной вонючей коробки, набрать в грудь свежего воздуха, выпить кофе и подумать над тем, что же такого вкусного приготовить на ужин, чтобы угодить детишкам и муженьку?

– У меня нет семьи.

– Оу. Тем проще. Вопрос об ужине снимается. Можете перекусить пиццей и выпить бокал вина. Ведь именно так вы проводите свои одинокие вечера, да, доктор?

– Ника...

– Вам не найти его! Сколько ещё раз это повторить, чтобы хоть кто-нибудь принял мои слова всерьёз? Вам. Его. Не найти! Потому что не вы позвали его, А Я! Потому что ОН МОЙ! А для вас его нет! Никогда не было! И не будет! Я придумала его!

Ты был придуман мною в самые тяжёлые моменты жизни. Когда меня некому было защитить... Когда не у кого было просить о помощи..

Ты был моим забвением. Был моим миражом в огромной пустыне боли без конца и края. А потом... потом ты вдруг, как ураган ворвался в мою реальную жизнь и перевернул её с ног на голову! Заставил меня взглянуть на мир другими глазами! Убедил в том, что всё может быть по-другому...

Для чего?

Для того чтобы спасти? Или сжечь дотла?

– Выпей воды, Ника. Давай, всего пару глотков.

– Вам не найти призрака, Ева, – шиплю, перегнувшись через стол. – Так что и наказать вам его не удастся. Он вне закона. Всё, что вам остаётся, это залезть ко мне в голову и тогда... *возможно...* вам удастся взглянуть в его бесстыжие глаза, замереть взглядом на наглой ухмылке, тяжело сглотнуть, а затем, если дар речи останется с вами задать один из

сотни своих бессмысленных вопросов, над которым ОН просто рассмеётся. Вы этого хотите?.. Тогда будьте осторожны, доктор, ведь тогда вы возможно станете следующей.

Знаешь, мне всё чаще кажется, что ты так и остался плодом моего воображения. Как ни странно, но поначалу в твоё существование было поверить проще, да и не так страшно, как убеждать себя в этом сейчас, – спустя время. Когда ты пропал, оставив меня наедине с твоими секретами. Оставил меня душищаться ими. Давиться ими. Не иметь возможности поделиться ими... ни с кем... потому что никто мне не поверит.

Ты вычеркнул себя из этого мира, – из моего мира. Ты достиг своей цели. Получил

желаемый приз. И тебя не стало.

А был ли?

Был ли ты?..

И теперь всё чаще из уст моих звучит напряжённый шёпот: «А что если нет? Что если я действительно свихнулась? Окончательно спятила? Так для чего пытаюсь доказать твоё существование? Себе. Им. Всему чёртовому миру»!

Я спятила, правда?

Это многое бы объяснило...

Да. Пожалуй, мне стало бы легче. Стало проще! Не так

больно! Не так невыносимо обидно, но...

... ты ведь БЫЛ.

Был!

– Глупая. Если я призрак, то почему могу касаться тебя?.. Вот так... скользить губами по коже... Ты ведь чувствуешь это? Тебе нравится это, – дразнил меня ты. В глазах цвета горького шоколада плясали чёртики, на губах блуждала насмешливая ухмылка и на щеках всегда появлялись ямочки.

Эти ямочки... Они делали тебя самым очарованием. Глядя на них никто и мысли не мог допустить, что за личиной существа скрывается самый настоящий дьявол воплотился, у которого вместо сердца чёрная дыра. Жестокий, бесчувственный, не умеющий сострадать и видеть хорошее в людях монстр. О, да... ты презирал их всех. Использовал в своих корыстных целях. Брезговал ими. И никогда этого не скрывал.

А меня защищал, – так я думала до последнего.

Говорил, что я другая. Что я особенная. Для тебя.

Ты лгал.

Ты говорил лишь то, что я хотела слышать. А когда пришло время уйти, беспощадно выставил счёт.

Ненавижу тебя.

Ненавижу.

Больше НЕ твоя,

Рони.

Глава 1

** **

Мне снится сон. Он прекрасен. Лето. Август месяц; тот самый месяц, когда мы с папой достроили наш домик на дереве, в деревне. Поют птицы. Воздух наполнен ароматами луговых цветов. Солнце в зените, светит ярко, теплом разливается по коже и приятно щекочет нос. Сделав козырёк из ладони, щурясь, смотрю как по лазурному небу проплывают пушистые облака, похожие на забавные фигуры... Вот это на котёнка похоже, что потягивается, колесом выгибая спину. А вот это на корабль с большими белыми парусами, раздувающимися попутно ветру. А вот это... это на улыбающуюся женщину... Так странно, кажется, что каждую чёрточку её лица видно, каждую морщинку на лбу и в уголках глаз; на щеках, похоже, румянец, а длинные волосы собраны в тугую косу и переброшены через плечо.

Мама?

«О боже! Дима, смотри! Смотри же, скорее! Наша крошка сделала первые шаги!»

«С днём рождения, милая. Я люблю тебя. Сладких снов».
«И я люблю тебя, мамочка!»

«Держись, ласточка! Взлетаем к небесам»!
«Выше, папочка! Выше-е-е. Как самолётик»!

«Ты всегда будешь рядом, папочка? Я не хочу летать ни с кем кроме тебя».

«Конечно, ласточка. Обещаю».

«ЛЖЕЦ».

«Не плачь. Твой папа он... он теперь в лучшем мире, дочка. Но он всегда будет рядом, вот здесь – в твоём сердечке».

«Что это?.. Сигареты? И где ты шлялась всю ночь?! Я места себе не находила! Почему не позвонила?! Вероника»!!!

«Прости, мам... телефон разрядился»...

«Что с тобой стало, Ника?! Что ты творишь?! Во что превращаешь свою жизнь»?!

«Тебя это не касается, мама»!

«Ника! Куда ты собралась?! Ты наказана! Немедленно вернись в свою комнату»!

«Иди к чёрту»!!!

Облако взрывается пушистым фейерверком и, большими

белоснежными хлопьями, кружась в танце, устремляется к земле, где среди сочной полевой травы стою я и с улыбкой наблюдаю за столь завораживающим зрелищем.

Раскинув руки в стороны, звонко весело смеясь, бегу вперёд, а высокая трава послушно расступается передо мной, рисуя длинный узкий коридор, в конце которого меня будет ждать небольшой, но уютный домик на дереве – *моё укрытие*.

Наше с папой укрытие.

«Держись, ласточка! Взлетаем к небесам»!

Слышу шаги за спиной.

Цок-цок-цок. Цок-цок-цок. Совсем не похоже на то, как трава шелестит под ногами.

Цок-цок-цок, – стучат каблук. И это так знакомо. Так страшно.

Ну же, ещё несколько шагов, несколько вдохов, несколько громких ударов сердца о рёбра и я буду в своём домике! В своём укрытии! В *его* объятиях!

Он поможет. Он спасёт. Спрячет меня, защитит! Только он это может! Нужно лишь добраться до домика и тогда...

«Выше, папочка! Выше-е-е. Как самолётик»!

«Я всегда буду рядом, доченька.

«Обещаешь?»

«Обещаю»!

ЛЖЕЦ залезший в петлю!!!

Цок-цок-цок. Звучит всё ближе.

Цок-цок-цок. А укрытие моё всё дальше... дальше и дальше.

Руку протягиваю. «Нет, не отдалялся! Не бросай меня! Не оставляй!»

«Помоги мне, Август! Спаси-и-и...»

Поздно.

Цок... Цок...

– Глория?..

Нет...

Нет-нет!

– Глория, девочка, просыпайся. Ну же, соня... Солнце давно уже встало, а ты всё спишь. – Это она. *ОНА* пришла.

Снова.

– Гло-ри-я... – ласковым шёпотом и по слогам, так что мороз по коже, так что сон, как рукой сняло.

ОНА всегда забирала моё сокровище, моё убежище, моё солнце, запах травы и цветов, причудливые облака, и *рисунок мамы* в небе.

Она не пускала меня к Августу.

– Глория-я-я-я...

Это не моё имя.

Марго замерла возле койки, на которой я лежала, одновременно с тем, как в груди моей замерло сердце. Мороз побежал по коже, а на лбу проступила испарина от одного её укоризненного взгляда подведённых чёрным прищуренных глаз. Короткое выражающее недовольство прищёлкивание языком и от страха мои челюсти сжались с такой силой, что заскрипели зубы и стало больно. Но эта боль была ничем по сравнению с тем, что должно было начаться с минуты на минуту.

Вот сейчас сверкнёт лезвие...

Вот сейчас коснётся кожи...

– Что-то не так, девочка? – елеиным голоском протянула. – Что за взгляд такой?.. Боишься меня? Боишься *МЕНЯ*, дрянь ты неблагодарная?!

Вздрогнула. Так вышло само собой. Я не хотела! Честно! И тут же получила по лицу.

Марго любила давать пощечины. Видела это по вспыхивающему в глазах азарту и наслаждению, каждый раз, как раздавался хлопок. И каждый раз... каждый раз она жалела, что позволила себе эту слабость.

– Филип снова будет недоволен, если на моём лице появятся синяки, – позволила себе я произнести хриплым дрожащим голосом. Но пригрозить Марго Филипом – было единственным шансом избежать очередного удара по лицу.

Марго боялась Филипа. Он был гораздо сильнее и автори-

тетнее её.

– Ох, да, ты права. Филип слишком любит твоё красивое личико, – спохватилась, поправляя съехавший набок парик.

Взмокшая ночная сорочка сползла с моего плеча, и холодная рука Марго коснулась кожи. По обонянию ударил запах её невыносимо сладких духов, а лицо склонилось над моим и лоб защекотали кончики искусственных белоснежных волос.

– Глория-я-я... – с обожанием прошептала, сверкнув глазами, и мурашки вновь побежали по телу: от кончиков ледяных пальцев до самой макушки. – Глория, девочка, ты же знаешь, я не люблю когда ты плачешь, но... но иногда ты не оставляешь мне выбора.

Внутри всё задрожало от страха, от неизбежности, грудь стянуло тугим кольцом и захотелось плакать... Громко, отчаянно, с подвываниями. Вот только... слёз уже давно не осталось. А голос сел от долгих бесполезных криков по ночам.

Но в этот раз, как ни странно, Марго не стала делать мне больно. Думаю, моё поведение, мой сломленный дух и моё исцарапанное лезвием тело, наконец начало приносить ей долгожданное удовлетворение.

– Давай, будь послушной девочкой и поблагодари меня за доброту, ведь я принесла тебе завтрак раньше, чем сама поела, – ласково улыбнулась Марго, что навело ещё больше жути.

– *Спа...сибо.*

– Что? Не слышу.

– *Спасибо.*

– На здоровье, девочка, – припала алыми губами к моему лбу, наверняка оставив жирный след от помады, затем спустилась ниже, едва ощутило оставив поцелуй в уголке рта, и вновь раздался стук каблучков по бетонному полу.

Повернув голову набок, лёжа на скрипучей ржавыми пружинами койке, я с ужасом наблюдала, как Марго разливала по стаканам жидкость тёмно-красного цвета: мне и себе.

– Томатный сок, – бросила взгляд на меня и вновь с обожанием улыбнулась. – Ты ведь любишь томатный сок?..

– А вы любите томатный сок, доктор?

– Не особо, – спустя паузу отвечает Ева.

– А меня вот им как-то каждое утро поили. До сих пор чувствую во рту его мерзкий привкус.

Бросив взгляд в личное дело, доктор негромко прочищает горло, позволяя себе эту маленькую слабость, и вновь поднимает глаза на меня.

Тут её винить не в чем. Одно дело – читать историю на бумаге, написанную с моих слов чьей-то рукой, и совсем другое – слышать от меня лично.

Признаться, я бы не хотела быть на её месте.

Но раз доктор так просит...

– Дело о моём похищении возбуждать не стали. Потому как моя мать заявила, что подобные «загулы» для меня не

редкость. А Марго вдруг бесследно исчезла. В общем, ничего нового: меня как обычно не стали принимать всерьёз.

– Твой похититель... исчез?

– А разве не так сказано в деле?

– А какая твоя версия, Ника?

– Малоправдоподобная, – отвечаю невесело и награждаю Еву насмешливым взглядом. – Мне продолжать, или как?

– Здесь сказано, что дом, в подвале которого тебя держали, сгорел дотла в ту же ночь, когда тебе удалось спастись.

– Какая ирония, не правда ли?

– А ещё здесь сказано, что на то время у тебя были проблемы по части запрещённых препаратов и самоконтроля. Это так? – Ева, оторвав взгляд от бумаг, вновь направляет его мне в лицо.

А я скучающе вздыхаю:

– Да, но Марго потрясающе быстро удалось решить эту проблему. И всего-то нужно было запереть меня в подвале.

Проходит несколько невыносимо долгих секунд, пока застывший на моём лице взгляд Евы устремляется в стол, но я успеваю разглядеть в её глазах лёгкое недоумение.

– Тебе не обязательно возвращаться в своих воспоминаниях так далеко в прошлое, Вероника. Давай поговорим об Августе. Начни с того дня, когда вы впервые встретились, – наконец продолжает разговор.

– Хм... так ведь с этого я и начала. С того момента, когда переступила черту.

– Ты впервые встретила Августа пять лет назад? – брови доктора едва заметно выгибаются, но она тут же спешит вернуть себе выдрессированное самообладание.

– Не встретила, – мрачно усмехаюсь я, пожимая плечами. – Я его придумала.

Глава 2

Около четырёх месяцев назад

*

Обнажённые. Не тела, а души. Беззащитные. Прикрыться нечем.

*Плача смеёмся съезжая с катушек... И смотрим в небо
– смотрим в вечность,*

где кружатся птицы. Им нужно так мало... Глоток свободы, шум моря и ветер,

...чтобы крик никто не услышал...

А затем о скалы. В объятия смерти.

** ** *

«...следов борьбы в квартире не обнаружено. Заключение судмедэкспертов, проводивших вскрытие, официально подтвердило, что двадцатидвухлетняя Елизавета Гусарова покончила жизнь самоубийством через выход из окна. Что стало причиной суицида, пока не известно. Напомним, что тело студентки было обнаружено дворником»...

– Подожди секунду, – подперев мобильный плечом, дотянулась до пульта на тумбочке, уменьшила громкость телевизора и плюхнулась обратно на подушку. – Что ты там говорила?

– Я говорила: как свидание прошло? Резко со слухом туго стало? – прищёлкнула языком Дина и, голосом, который компромиссов не предусматривает, громко протянула: – Ну-у-у?!

Не было никакого свидания. Но Динка около трёх недель и едва ли не со слезами на глазах меня на него уламывала, так что в итоге пришлось сдать. Точнее – пришлось солгать, что парень, регулярно заглядывающий в «ЗООрай» за кормом для своих мопсов, вдруг показался мне настоящим красавчиком с небывалым обаянием и чувством юмора на сто баллов, и вот вчера я вся такая наряженная, на каблуках и крыльях любви летела к нему на свидание. На самом же деле всю эту прелесть мне с лихвой заменила любимая пижама, глинтвейн и «Американская история ужасов» по нетбуку.

Прости, счастливый обладатель мопсов, и дело не в том, что твой маникюр идеальнее моего, и даже не в том, что твои джинсы настолько тесные, что становится страшно за шов на заднице... Допускаю мысль, что ты даже можешь оказаться вполне приятным парнем, вот только вряд ли у тебя есть волшебная иголочка способная заштопать рваные раны на моей потрёпанной душонке. Как там говорится?.. «Оно тебе надо»?

Прости, Динка. И тебе я вновь солгала. И пусть ты, вероятно, единственный человек в этом мире искренне желающий мне добра и счастья, но меня устраивает мыльный пузырь, в котором я существую. Здесь тихо, спокойно, ком-

фортно. И я никому ничего не должна.

– Алё-ё-ё гараж! Ты там спишь, что ли?

– Об этом я только мечтаю, но мне через час на работу, – широко зевнув, поплелась на кухню, где ещё со вчерашнего дня меня заждалась гора немытой посуды.

– Ну так как прошло? – Дина отставать не собиралась; вынуждала и дальше ей врать. – В чём он был? А как от него пахло? Цветы принёс? А куда ходили? В кино? А на какой фильм?

– Не знаю. Не помню. На сопливую фигню какую-то... кажется. – Подперев мобильный плечом, я включила воду и взялась за первую тарелку.

– Вот ничего себе! Это чем вы двое там *таким* занимались, что девятичасовой сеанс «Мстителей» стал сопливой фигнёй, м-м-м?.. Ну давай, детка, порадуй старушку! Скажи, что дело было на последнем ряду, его язык у тебя во рту, а его проворные пальцы у тебя в...

– Ещё слово о твоих больных сексуальных фантазиях и, клянусь, я с чистой совестью забуду, как тебя мама назвала.

– Чёрт. Так и знала. Значит, не дала Витьку? – с досадой вздохнула. – Да ну тебя! Он же такой секси!

Да, Дина часто перебарщивала. И она всегда была на позитиве; порой многократно и намеренно преувеличенном. И за это я не могла на неё злиться. Если бы ещё и она со мной на пару унывать начала и смотреть на мир сквозь очки самого закоренелого пессимиста, боюсь, на два трупа в этом Бо-

гом забытом городе стало бы больше.

У Дины и своих проблем хватало. И Дина не знала о своём прошлом всего. Но знала достаточно, чтобы отыскать в себе здравомыслие, сбросить груз «имени меня» с плеч и оставить тщетные попытки по перетягиванию каната с тёмной стороны на сторону добра, света и волшебных единорогов блюющих радугой. Но, по правде говоря, порой Динке удавалось сделать то, чего не удавалось никому, – с ней я улыбалась. Да и... думаю, здравомыслием эта сумасшедшая была от рождения обделена.

– Ну он хотя бы пытался? – протянула с надеждой. – Боже, только вот не расстраивай меня сейчас, умоляю-ю-ю!

– Да чёрт с тобой, – пытался! – вновь я лгала. Ещё немного и сама в эту ложь готова была поверить.

– Бинго! – взорвалось в трубке. – Глядишь, и в следующий раз наш Витёк раскрутит тебя-таки на страстный, животный, умопомрачительный секс! Ну или хотя бы двухминутный перепихон в туалете кинотеатра, – уже неплохо. Одолжить тебе кружевной лифчик? Нет, я серьёзно, подруга, спали на хрен всё своё спортивное бельё! Тебе двадцать два, а не пятьдесят! Успеешь ещё пожить скучной комфортной жизнью! И кеды свои на помойку отнеси, пусть бомжы таскают. Где туфли, что я тебе на восьмое марта подарила?

– В коробке.

– А коробка где?

– Эм-м... поищу. Сегодня. Может быть.

– Да уж... – разочарованно вздохнула Дина. – Ника-Ника... когда до тебя наконец дойдёт, что нужно выглядеть женственно, чтобы мужикам нравиться?

– В смысле – как *ты* выглядеть? – цинично усмехнулась я.

– А как я выгляжу?

– Как проститутка.

– Именно! Стоп. Что?

С издёвкой посмеиваясь, поставила в сушилку последнюю тарелку и принялась избавляться от мусора.

– Кстати, слышала, третья уже из окна вышла, – вдруг сменила тему Динка. – И это всего-то за месяц. А что дальше будет? Что с мозгами вообще у этих кур? Они что суицидную эстафетную палочку друг другу передают?

– Не знаю, – вздохнула я, резко помрачнев. – Черте что в этом городе творится.

– Не то слово, подруга. Не то слово. Но-о-о... мы-то с тобой на позичивчике, да-а-а?

– Разумеется, – протянула в ответ вяло. – На позитивчике. А как иначе?

– Кстати, как твой синяк? – опомнилась на мою голову. – Точно в больницу наведаться не хочешь?

– С синяком на бедре диаметром в пять сантиметров? – усмехнулась в ответ я. – Хочешь, чтобы с меня весь медперсонал ржал?

– Вообще-то, в том, что тебя чуть не сбила машина, нет ничего смешного, – проникательно заметила Дина. – И с то-

бой постоянно что-то такое происходит! Ты что, со смертью играешь?

– Машина меня едва зацепила.

– А могла и по капоту прокатить.

– Но не прокатила же!

– Но могла!

– Ты невыносима.

– Знаю, – довольно хрюкнула Динка, и я решила, что пора заканчивать этот затянувшийся разговор.

На самом деле моя подруга просто не решилась спросить – а не было ли неудавшееся столкновение с автомобилем запланированным?

Дина боялась, что мне надоест эта жизнь.

Дина ошибалась.

– Я пыталась почувствовать наконец укол совести за то, что лгу своей лучшей... нет, – своей единственной подруге, но... Но так ничего и не почувствовала. На тот момент у меня вообще были проблемы по части эмоций. Иногда я казалась самой себе куском древесины, или... или бездушной куклой с пластиковыми ручками, ножками, глазками... И с таким же пластмассовым сердцем.

– А сейчас? Какие эмоции ты по большей части испытываешь сейчас?

– Хотите знать: какие эмоции вызвало у меня ЕГО появ-

ление, доктор? Думаете, ОН стал моим триггером?..

– Думаю, Август сильно изменил тебя.

– Это так.

– Значит, в тот день, после разговора с Диной по телефону, ты и Август впервые встретились? Разумеется – *вне твоей головы*, – поспешила добавить.

– Он ждал меня на лестничной клетке. И даже если попытаюсь описать своё потрясение... увы, ничего не получится.

** ** *

Не успела хлопнуть дверь за моей спиной, а я уже почувствовала неладное. Такое странное липкое ощущение, когда нутром чувствуешь, будто кто-то жадно пожирает тебя глазами, смотрит настолько пристально, что невольно хочется поёжиться. Вдоль позвоночника побежал холодок, и тут же резко бросило в жар. Помню, что даже испугалась своего нового состояния; оно изменилось так внезапно... Даже обернулась для чего-то, бросив взгляд на закрытую дверь квартиры, словно в ней мог остаться кто-то посторонний и сейчас наблюдает за мной через глазок.

Жутко стало. А в сознании эхом далёкого прошлого вдруг пронеслось: «Цок-цок-цок».

Я вспомнила эти ощущения. То же самое испытывала каждый раз перед тем, как сбежать от Марго в мир грёз и фантазий, где меня ждали: синее небо над головой, густая трава щекочущая голые ступни, запах луговых цветов и при-

думанный мною мальчик в нашем с ним домике на дереве. В нашем укрытии.

Я назвала его Август. Как летний месяц. Мой любимый месяц.

У Августа были густые и чёрные, как крыло ворона, волосы; непослушные и топорщащиеся во все стороны. А как они блестели на солнце... Потрясающе. И глаза у него были такие же удивительные – цвета летнего неба, большие, яркие, искрящиеся, как два хрусталика льда! Улыбка красивая, белозубая и настолько заразительная, что невольно и самой хотелось улыбаться. Каждый раз. Ведь эта улыбка принадлежала лишь мне одной.

Я придумала его высоким, подтянутым и жилистым. Куда более крепким и куда более зрелым, чем многие его ровесники. И пусть кроме меня Августа никто не мог видеть, я была горда тем, что мой друг, мой защитник намного сильнее и красивее любого из знакомых мне парней! Такого как Август ни у кого не было и быть не могло! Моё надёжное укрытие. Моя тихая гавань. *Мой. Только мой.*

Хотелось ли мне наплевать на мусор и вернуться обратно в квартиру?..

Больше, чем кто-либо может себе представить.

Но ещё больше мне хотелось дойти до конца. Вновь через страх и боль вскарабкаться на ту самую вершину, испытать те же ощущения, что обрушивались на меня с приходом блаженного забвения. Когда сознание под пытками Марго и

Филипа наконец уплывало и на смену грязным серым стенам подавала, в котором меня несколько месяцев держали, приходило долгожданное солнце и объятия Августа.

Его ласковый шёпот:

«Я с тобой. Обещаю, всё будет хорошо»...

Я искала в нём спасение. В нём одном! Но Август всё не правильно понял.

А когда спасение пришло, мой друг оставил меня. С годами черты его лица затёрлись, а придуманные мною объятия стали в фантазиях холодными и ненастоящими. Не такими, какими они были раньше.

Я скучала. Я так сильно по нему скучала, что стоило лишь единожды сердцу вспомнить, что такое биться в предвкушении встречи с моей любимой фантазией, я, идя на поводу у внезапно разыгравшегося воображения, с kloкочущим о рёбра сердцем сломя голову бросилась на лестничный пролёт, вниз по ступеням.

Я не чувствовала себя безумной, или спятившей, нет, – я точно знала, что там, на площадке между восьмым и девятым этажами меня будет ждать что-то, что каким-то образом всколыхнуло в памяти такие далёкие, но ещё живые воспоминания об Августе. *Мои самые драгоценные воспоминания.*

Вот только я и представить себе не могла, что воспоминание окажется настолько живым.

Он стоял привалившись спиной к стене. Весь в чёрном. Плечи были расслаблены, руки в карманах кожаной курт-

ки, волосы и лоб скрыты капюшоном, а голова слегка опущена, так что взгляд тёмных, как ночь и блестящих, как хрусталь глаз казался ещё выразительнее. Ещё притягательнее. Обезоруживающий, абсолютно гипнотический взгляд, направленный на меня из-под тяжёлых прямых бровей, не просто лишал дара речи, – он парализовал. Даже дышать удавалось с трудом.

А раньше в его глазах жило небо...

Пакет с мусором вывалился из рук, и пальцы сжались в кулаки. И в тот же миг уголок губ моей ожившей фантазии дрогнул в насмешливой ухмылке.

И всё поплыло, завращалось! Казалось, мир перевернулся с ног на голову, земля и небо поменялись местами, как и всё во мне зашевелилось, застучало, заиграло по-другому, новыми и такими незнакомыми красками!

Эмоции накрыли с головой.

На смену шоку пришёл страх. На смену страху – дикий ужас. А на смену ужасу очень быстро пришло понимание – я сошла с ума. Я стала шизофреником. Передо мной галлюцинация. Ведь Августа не существует! Его не может здесь быть! Он – моя давняя выдумка!

Боже... это был настоящий бунт чувств и эмоций. Хотелось сорваться с места, сбежать к себе в квартиру, да как можно скорее и, в то же время, хотелось до бесконечности смотреть на мою ожившую фантазию. Пока не растворится в воздухе. Пока не вернётся обратно – в потёмки души, кла-

довую воспоминаний.

«Он ненастоящий, – роем пчёл жужжало в голове. – Моргну и исчезнет. Моргну и исчезнет»!

Ну же, исчезай!

– Что за взгляд такой? – вдруг прозвучал его голос, с вызовом, с холодной насмешкой, и всё во мне взорвалось с новой силой. По коже побежали мурашки, руки задрожали, лоб покрылся испариной.

Он здесь.

Он говорит.

Невозможно...

Ухмылка на губах стала ярче, а в глазах заплясали хорошо знакомые мне чёртики, – предвестники того, что Август планирует повеселиться. А в его понимании веселье – ещё не значит «весело» в общепринятом понятии этого слова.

Подняв голову, он вытащил руки из карманов, выждал несколько мучительно долгих секунд и вдруг сделал в сторону остолбеневшей меня два небольших шага. Напряглась, с трудом сглотнула и попыталась отстраниться, но ноги не слушались, словно не моими стали.

И тогда солнечный свет упал на его лицо, очертив каждую хорошо знакомую мне чёрточку. Тогда и убедилась окончательно – это он. Повзрослевший, возмужавший, но точно он – мой Август. Мальчик-фантазия.

– Бред какой-то, – голоса своего не услышала. Больше было похоже на короткий судорожный выдох. Но не для него.

Не для Августа.

– Бред? Кто? Я? – выразительно выгнув бровь, поинтересовался, а на губах всё блуждала его любимая ухмылка, словно он над всем миром насмехается, играет с ним, а люди – всего лишь куклы в его руках.

Я его таким создала.

Я хотела, чтобы Август любил только меня. Ценил и дорожил лишь мною! Потому что мир – несправедливая дрянь! А люди в нём жестокие, злые и эгоистичные! Люди приносят лишь боль и страдания, – так я думала. И Август должен был с лихвой заменить мне всё и всех в последние дни моего существования. На это была моя ставка. Это было моим последним желанием. Но... я не умерла в том подвале. И если с годами я и не стала лучше, то, по крайней мере, ненависть, однажды овладевшая моим сердцем, постепенно угасла.

А Август остался всё тем же.

– Что это? – нахмурился, и на лбу проступили тоненькие морщинки. – Я чувствую... страх. Ты боишься меня? – протянул с осуждением и выгнул брови. – С каких пор ты боишься меня, глупышка?

Я не могла говорить. Словно разучилась это делать. Я всё ещё была парализована и всё, что могла это смотреть на него застывшим взглядом и мучительно вспоминать, что такое дышать.

Он стал выше меня на целую голову и шире в плечах. И я всё ещё искала отличия в чертах его лица, наивно полагая,

что ошиблась. Что передо мной вовсе не Август, а очень похожий на него парень. Нереально похожий. Как две капли.

Не считая цвета глаз.

Склонив голову набок, он сделал медленный глубокий вдох, словно пытаясь уловить аромат, что лишь одному ему доступен.

– Ты пахнешь всё также прекрасно, – шёпотом. Таким зловещим, пугающим, словно и не шёпот вовсе, а шипение ядовитой змеи.

Развёл руки в стороны и растянул губы в широкой улыбке, так что ямочки на щеках вмиг завладели вниманием и, несмотря на потрясение, сковывающее меня по рукам и ногам, внутри вдруг вспыхнул тёплый трепетный огонёк.

– Что, даже не обнимаешь меня? Столько лет прошло... – смотрел настойчиво. А я по-прежнему стояла на месте и даже не понимала, что уже какое-то время щипаю себя за руку, чтобы прийти в чувства, чтобы «развидеть» его.

Но Август заметил это первым. Схватил меня за запястье и резко вздёрнул руку кверху.

«Боже. Он может меня касаться. Он осязаем.»

Взгляд чёрных глаз наливался свинцом, черты лица ожесточались.

– Зачем ты делаешь себе больно?! Как часто это происходит?! – зарычал с осуждением, так что ледяная дрожь пробежалась вдоль позвоночника. – Что?.. Почему так смотришь?.. Это ведь Я. Меня не нужно бояться. Только не тебе,

забыла?

– Кто... кто ты такой? – словно предсмертным шёпотом вырывалось изо рта, а следом во мне будто что-то щёлкнуло и вернуло контроль над телом. Отдёрнула руку и одновременно с этим сделала шаг назад, поднявшись на одну ступеньку.

А руки Августа упали по швам, глаза сощурились, а взгляд наполнился недоверием, от которого в конец стало жутко. словно не только я сомневалась в том, что передо мной *тот-самый-Август*, но и его теперь терзали сомнения – а *та-же-самая-ли-перед-ним-Ника*?

Ещё на ступеньку выше. Ещё... и ещё... и раздалось рычание, от которого сердце упало в самые пятки, а изо рта вырвался приглушённый крик.

Позади стояли два огромных чёрных добермана, глядя на меня ядовито-красными глазами, рыча и скалясь.

– Они не тронут тебя... пока я им не прикажу, – с неприкрытой угрозой прозвучал голос Августа, и лишь спустя долгую паузу я сумела оторвать взгляд от собак и вновь взглянуть на свою ожившую фантазию.

– Я не понимаю... – зашептала, слабо качая головой. – Ты... здесь. Как? Как это возможно?

– Успокойся, Рони. Ты забываешь дышать, так и до обморока недалеко.

Рони. Только Август меня так называл, выдрав середину из моего полного имени и сочтя это оригинальным.

Боже... но как? Как?..

– Я... Ты мне кажешься? Или снишься? Это... ведь сон, да?

– Погладь собачку – проверишь, – скривил губы в едкой ухмылке и ещё шаг вперёд сделал, оказавшись в полуметре от меня. – Вот же как нехорошо получается, – нахмурил брови и прищёлкнул языком, – когда ты ко мне приходила, у меня и в мыслях не было сомневаться в твоей реальности, в том... что ты нуждаешься во мне. А стоило мне прийти в гости к тебе и-и-и... что в итоге?.. Воздух воняет страхом. В глазах отторжение. В словах холод. Вот уж не рассчитывал на такой приём.

Псы зарычали громче.

– Видишь? Ты даже Барсика с Рексом расстроила, – цокнул и усмехнулся. – Что? Неужели даже на чай не пригласишь? Объедать тебя не стану, даю слово.

– Боже... я сошла с ума. Спятила... – схватившись за голову, попыталась смотреть, куда угодно только не на Августа и его псов. Надеялась, что таким образом они растворятся, оставят меня в покое, потому что я не хотела... не могла... не желала верить в то, что ВСЁ ЭТО происходит на самом деле. В то, что ЭТО может быть реальным. Ведь если это реально, то я безоговорочно точно сошла с ума!

Ещё на одну ступень выше... Размытое пятно пронеслось перед глазами, а миг спустя руки Августа тугим кольцом обвили меня вокруг моей талии, и он прижал меня к своей груди

настолько плотно, что, клянусь, я слышала, как гроыхало в груди его сердце. Я проводила каждый его удар через себя.

Знакомое тепло растеклось по телу. Знакомое покалывание возникло в кончиках пальцев...

– Отпусти, – попыталась вырваться, но хватка Августа стала лишь сильнее. Брови выгнулась, а взгляд наполнился укором.

– Кажется, ты совсем не скучала по мне, Рони.

– Я не могла скучать по тому, кого не существует, – солгала.

– А вот это было обидно, – спустя паузу прошипел. – Разве не ты звала меня?

Набрав в лёгкие побольше воздуха изо всех сил постаралась, чтобы голос не дрогнул:

– Я не звала тебя.

– Разве?.. А мне казалось... ты *умоляла* меня прийти. *Умоляла* спасти тебя. *Умоляла* защитить.

– Это... это было пять лет назад. И я не...

– *Всего-то* пять лет назад! – перебил громко. – Всего пять лет, когда у нас с тобой впереди должна была быть целая вечность! Помнишь, я обещал тебе её?.. Нет? Не помнишь? Как же много ты успела забыть... Я так разочарован.

Это был первый раз, когда я по-настоящему его испугалась. Этот дикий пронзительный взгляд, стальная хватка рук на моём теле, тяжёлые брови сдвинутые к переносице, напряжённые челюсти, губы собранные в тонкую линию. И го-

дос... голос, которым он говорил проникал в самую глубь меня и распространялся по телу, как вирус, поражающий каждую клеточку кожи, каждую частичку организма, вынося смертный приговор.

Это был не тот Август, каким я его знала. *Мой* Август никогда и ни за что не стал бы меня пугать.

– Ты изменилась, – его голос вдруг стал низким и с лёгкой хрипотцой, а каждое слово казалось шёпотом промозглого ветра. – Мне нравится твоя кожа, – костяшками пальцами провёл вниз по скуле, – такая мягкая... Мне нравится твоё тело, – вниз по шее и тёплыми подушечками пальцев отчертил ключицу, а затем каждый побелевший с годами шрам. Замер. – Ты дрожишь.

Да, я дрожала. Просто не могла это контролировать.

Он был там. Держал меня в объятиях. Говорил со мной. И пах точно так же, как и пять лет назад... Запах лета, солнца и полевых цветов. Мне нравился этот аромат.

– Но больше всего... – заскользил взглядом вверх: от высоко вздымающейся груди, по изгибу шеи и замер на губах, – больше всего я люблю твои губы. Такие же... сочные, яркие. Нежные, как лепестки розы. Так и хочется...

– Я тебя не знаю, – выдавила из себя натянутым, как струна голосом. И повторила громче, с требованием: – Отпусти! Я тебя не знаю!

Псы вновь утробно зарычали. Одновременно с тем, как во взгляде Августа появилось что-то новое, что-то... что заста-

вило меня оставить попытки вырваться из его объятий и замереть на месте, неотрывно глядя в глаза, в глубине которых вдруг забрезжил тот самый свет, что Август дарил мне изо дня в день.

Это он...

Боже, это он!

– Как?..

– Ну наконец-то, – признала, – небесно-голубой свет в глазах вмиг погас, уступив место мраку ночи, а губ его коснулась колючая ухмылка. – Думал, не дождусь уже. Ну? Теперь будут обнимашки? Нет?.. Ну и ладно.

Я его почти не слышала... То, что творилось у меня внутри, в моей голове, в моих мыслях, это было похоже на... на мощное землетрясение, после которого уже ничто не вернётся на свои места.

– Почему сейчас?.. – просипела, неотрывно глядя ему в глаза. – Прошло пять лет...

Плечи Августа дрогнули, уголки губ опустились, а задумчивый взгляд устремился в сторону, прежде чем прозвучал легкомысленный ответ:

– Вообще-то... я всегда был рядом, Рони. *Всегда*. Просто ты не могла меня видеть.

Голова вдруг закружилась, а в ногах появилась такая слабость, что, больше чем уверена, если бы Август не держал меня, я бы без сил рухнула на пол. И он почувствовал это...

– Всё такая же слабая и беспомощная, – прищёлкнул язы-

ком, глядя с пренебрежением. – Ничего не изменилось, Рони. Абсолютно ничего.

Никогда он не говорил со мной в таком тоне, так грубо. Кем бы ни был этот Август, он пугал. Он не вызывал ни капли доверия и тёплых чувств.

– Ладно, – на тяжёлом выдохе опустил руки по швам и с явным удовольствием наблюдал за тем, как я едва успела схватиться за перила, чтобы к чёртовой матери не свалиться с ног. – Наша игра затянулась. Пришло время платить по счетам, маленькая моя. Для этого, собственно, я и здесь.

– Что? – шёпотом. – О чём ты?

– Ха! – холодный смех вороньим карканьем вырывался у него изо рта, а голова запрокинулась, будто я его очень повеселила. – А ты думала, моя помощь будет бесплатной? Серьёзно, Рони?! БЕСПЛАТНОЙ!? Дьявол... да ты сама наивность! Что хорошего ты за свою жизнь сделала, чтобы получать такие подарки?

– Я... я ничего не понимаю, – затрясла головой и с силой заморгала, всё ещё рассчитывая на то, что он – галлюцинация и вот-вот исчезнет.

Но самым ужасным было то, что я готова была признать себя сумасшедшей, но не была готова к тому, чтобы признать Августа таким, каким он предстал передо мной спустя пять лет.

Сделав шаг вперёд, он сложил руки на груди и пронзил меня острым взглядом исподлобья, так что вновь мурашки

побежали по коже.

– Верни то, что по праву моё, – голосом, словно приговор вынося. – Верни... и может быть... я позволю тебе умереть максимально безболезненно.

– О чём ты говоришь? – голос мой слабел, а перед глазами всё раскачивалось, как на волнах. Во рту было сухо и горячо, а ещё я чувствовала жжение в глазах... Это было самым странным, – мне хотелось плакать, но не от потрясения, а от чувства, словно... словно меня только что жестоко предали.

– Ты ненастоящий. Тебя не существует. – В тот момент отрицание стало моей спасительной таблеткой от чувств, что словно лавина обрушились на голову. – Тебя нет. Тебя нет! Исчезни! Тебя не существует!

Поднявшись ещё на несколько ступенек, почувствовала, как в обнажённую икру уткнулся холодный нос одного из доbermanов, но я больше не боялась... Я точно знала, что ни Август, ни его псы не смогут причинить мне вреда. Потому что он был создан по МОЕМУ сценарию! На МОИХ условиях! Самым главным из которых было – никогда не причинять мне вред! Я разрешала ему ненавидеть всё и всех, делать всё, что ему вздумается, но никогда и ни при каких обстоятельствах не делать больно мне.

– Стой на месте, Рони! – прозвучал его приказ, но я проигнорировала. И я не ошиблась – псы не тронули меня. Так же, как этого не мог сделать их хозяин.

Ещё шаг вверх по лестнице и доберманы, надобность в

которых пропала, двумя чёрными дымками растворились в воздухе.

– Отдай её мне, Ника!

– Его нет. Его нет...

– Отдай её мне! – он вихрем устремился ко мне, схватил за плечи и несколько раз встряхнул.

– Его нет... – Мои глаза были закрыты. – Его не существует!

– Вер-р-рни мне её!

– Тебя нет! Н-е-ет!

– ВЕРНИ!

– ТЕБЯ НЕТ!

– Верни мне мою свободу, Рони!!!

– Вероника? – прозвучал вдруг озадаченный женский голос, и стало поразительно тихо. Везде: вокруг, в моей голове. Удивительно спасительно тихо. – Что случилось? Почему кричала?

Моя пожилая соседка с восьмого этажа выскочила на лестницу в одном халате и с бигуди в волосах, и теперь смотрела на меня совершенно обескураженным взглядом. Точно так же, как я смотрела на то место, где секундами ранее стоял Август. Но больше его там не было.

– Вероника? Всё хорошо?

– Д-да... Да, – ответила тихим слабым голоском, обливаясь потом с ног до головы.

Ещё смогла подхватить с пола пакет с мусором, бросить

его в мусоропровод, извиниться перед соседкой за то, что навела шуму из-за безобидного паучка, а затем закрылась в квартире и...

– ...и напившись снотворного, лучшее, что смогла сделать, это с головой залезть под одеяло и провалиться в сон. Что? Что за недоумение во взгляде, доктор? Уже жалеете, что взялись за это гиблое дело?

– Нет, я... я задумалась. То есть после того, что случилось, ты захотела уснуть?.. Даже будучи в курсе, что Август может прийти к тебе во сне?

– Вы плохо слушали, доктор?.. Моя фантазия стала реальностью. Августу больше незачем было приходить ко мне во снах, если он мог просто постучать в дверь. Если раньше я сбегала в сон, где Август мог спасти меня от реальности, то пять лет спустя я начала сбегать в сон, чтобы спастись от Августа. Я говорила вам: это черта, переступив которую, дорогу обратно уже не найти.

Глава 3

Я создала тебя прекрасным: от кончиков пальцев и до макушки.

Потерялась в глазах твоих ясных и забыла создать тебе душу.

** ** *

– Всё в силе? Сегодня вечером?

– Да, как и договаривались.

– Эй, Ник, ты в порядке? Голос какой-то странный.

– Да, всё отлично, – выдохнула я в трубку. – Уволили разве что.

– ЧТО?! – заорала Динка, да так громко, что пришлось отдёргнуть телефон от уха и смачно чертыхнуться, – прохожие на улице оценили. – Тебя уволили и ты... ты вот так просто об этом говоришь?!.. Когда этот старый козёл выпер тебя?!

– Эм-м... два дня назад.

– Класс! И говоришь ты мне об этом только сейчас? Вот так, да?.. Почему сразу не сказала?!

– Ну... не знаю. Просто не сказала. Что такого? – тяжело вздохнула, борясь с раздражением.

Если честно, к тому дню, я всё ещё не отошла. Сомневаюсь, что кто-либо вообще в этом мире способен был спра-

виться с такого рода потрясением всего за сорок восемь часов. И я всё ещё не разобралась в том, что это было: видение или реальность.

Август больше не появлялся, но с тех пор мне казалось, что он везде. Наблюдает за мной и гнусно улыбается тому, как я шарахаюсь каждого внезапного звука, стука ботинок на лестничной клетке, шелеста листвы, шёпота ветра.

Иногда я чувствовала его запах...

Я становилась параноиком. Я была не готова к подобному. Я не знала, как с этим справиться. И самое страшное – мне не было с кем об этом поговорить.

Дина?.. О, зная о моих сложностях, она бы ни за что не приняла меня всерьёз. Максимум – сделала бы вид и всеми силами попыталась вытащить меня из состояния некоего дикого транса... Возможно, настояла бы на встрече с психиатром, на которого я забила пару лет назад, но, так или иначе, моя подруга не поверила бы в то, что моя давняя фантазия вдруг ожила и наведалась гости. Серьёзно, – как? Если даже я до конца не верила.

– Это третья работа за полгода! – верещала Дина в трубку. – Твою мать... Вероника! Ты неисправима, в курсе? И что на этот раз?

– Четвёртый прогул.

– Круто. И что теперь планируешь делать?

– Искать новую работу, что же ещё?

– А может, для начала, поищем тебе мозги?

Я тяжело вздохнула:

– Давай потом поговорим?

– Буду у тебя к семи, – ответила Динка. – И только попробуй лечь спать!

Сбросив вызов, я запихнула мобильный в задний карман джинсов и остановилась, глядя, как по мощённому гладким булыжником тротуару, словно патока, разливается солнечный свет.

Красиво.

Май радовал теплом. Казалось, ещё две недели назад на улицу невозможно было выйти без шарфа и перчаток, и вот... все уже сбросили куртки, облачились в пёстрые наряды, натянули на лица улыбки и предвкушают празднование Дня Победы, которое власти в этом году обещали провести с небывалым размахом для нашего крохотного провинциального городка.

Меня это и раньше мало заботило. А сейчас так и вовсе стало всё равно. Мне бы со своим «праздником» жизни разобратся.

– Значит, тебя уволили из магазина зоотоваров?

– Да, «старый козёл», – как называла его Дина, не поверил во внезапно скосивший меня кишечный грипп. Пришлось срочно искать новую работу, чтобы не остаться на улице со всеми пожитками.

– Твоя квартира съёмная? – интересуется доктор.

Киваю.

– А квартира матери? Насколько я знаю, после её смерти, она осталась твоему сводному брату?

– Да. И он попытался её продать, но попытка не удалась.

– А твой отчим?

– Выписался и свалил куда-то со своей новой пассией.

– Но ты ведь всё ещё прописана в квартире матери... – вновь во взгляде Евы мелькает недоумение. И вновь она с ним очень быстро справляется. – Почему так легко отказалась от положенных тебе по закону метров?

Вздыхаю.

– После того, как мою мать «сожрал» рак, её квартира потрясаяще быстро с руки моего так называемого брата стала напоминать притон. И если два года назад на территории положенных мне метров можно было найти лишь пустые бутылки и горстки окурков, то очень скоро ко всем этим сокровищам присоединились еще и шприцы. Я не хотела воевать за территорию, на которой мне тошно находиться. Проще было уйти.

– Твой брат наркоман?

Выжидаю паузу, и, не отводя глаз от сосредоточенного лица Евы, отвечаю:

– Мой брат угробил себя сам, но больше это не имеет никакого значения. Но... он видел Августа. Не верите – спросите его сами.

– Мы говорили с твоим братом, Ника, – поджав губы, кивает Ева и выглядит неутешительно. – Он сказал, что не знает никакого Августа.

– Ха! – отвернув голову, невесело смеюсь. – И почему я не удивлена? Август замёл за собой и этот след.

И вновь наступает пауза, за время которой я в лишний раз понимаю – этот разговор не имеет смысла, он пустая трата времени. Они все, и добрый доктор Ева в том числе, уже давно сделали вывод... А вывод таков: я – слетевшая с катушек убийца, а никакого Августа не существует и никогда не существовало.

Но Ева почему-то настаивает на продолжении разговора. Не знаю... может и вправду больше заняться нечем?

– Давай продолжим, хорошо? – добродушно улыбается. – Расскажи немного о своём сводном брате. Когда он впервые повстречал Августа?

– Хм... так вы же не верите в это.

– Я этого не говорила, Ника. И я очень хочу услышать твою версию. Пожалуйста, продолжай.

** ** *

До прихода Дины оставалось несколько часов. И так как полы в моей маленькой однокомнатной квартирке уже были вымыты, одежда выстирана и развешана на балконе, пиццу вот-вот должны были доставить, а пиво охлаждалось в холодильнике, решила уделить время поиску вакансий и рассыл-

ке резюме.

Выбор был невелик. А, учитывая то, что работу я меняю со скоростью света, а за спиной имеется лишь одиннадцать школьных классов, решила, что придётся мне, скорее всего, плестись в очередной фастфуд и умолять взять меня посудомойкой, или уборщицей на испытательный срок. Ну не могла же я всем объяснять, что после похищения пятилетней давности, я всё ещё не смогла прийти в себя, вспылать желанием взяться за ум, вернуться к учёбе и получить образование. Динка часто поднимала эту тему, уговаривала хотя бы в училище какое-нибудь поступить, но... боюсь, что моя психическая нестабильность, социопатия а, с недавних пор, ещё и галлюцинации, ну никак не могли поспособствовать в получении знаний и поиске новых друзей. А ещё этот любимый вопрос незнакомцев: «Боже! Откуда у тебя эти ужасные шрамы?.. Бедняжка-а-а»...

На тяжёлом вздохе закрыла нетбук и взялась за блокнот и карандаш.

Вот что мне действительно нравилось – рисовать. Особенно животных и портреты людей. Особенно...

Раздался звонок в дверь. Пиццу привезли даже раньше, чем это обычно бывает.

Но за дверью оказался вовсе не доставщик, а...

– Приве-е-ет, малая! Давно не виделись. Скучала по братишке, небось? Ха, ещё бы не скучала. Ну, я зайду. Давай, подвинься.

– Чего тебе, Ден? – Стоило только взглянуть на этого утырка, что по стечению обстоятельств является моим сводным братом, и внутри всё протестовать начинало, кричать, возмущаться и требовать немедленно выгнать его из квартиры, пока он и её в притон не превратил!

И каждый раз меня что-то останавливало, стопорило и лишало нужной решительности. И я никак не могла понять, что мною движет. Денис собрал в себе все качества, что я ненавижу, презираю, то, чем брезгую, то, что вызывает у меня дикое отвращение и напоминает о том, какой я раньше была, какими ужасными вещами занималась. Но каждый раз, стоило Дену появиться на пороге моей квартиры (а это случалось стабильно раз в пару месяцев), и вся моя злость на него угасала, оставляя на душе лишь призрачный след, а на место ей приходила жалость.

Да, вот так бывает...

Когда-то давно, «в прошлой жизни», я и сама была не прочь напиться в стельку, закинуться таблеткой и в компании друзей-отморозков отправиться в какой-нибудь затхлый клуб на окраине города. *Злая ирония, что мой похититель в какой-то степени сумел стать и моим спасителем.*

Иногда я думала, что мы с Деном не такие уж и разные – оба изгои этого мира, и кто, как не я способна его понять?.. Оба мы зависимые – оба жалкие безвольные трусы.

– Уходи, Ден. У меня нет денег, – глядя на то, как он в своих вонючих грязных обносках рухнул на моё свежее по-

стельное бельё, пришлось с силой прикусить язык, чтобы не наорать на него благим матом и не начать угрожать полицией. Дело в том, что на таких, как Ден подобное не действует, а скорее даже срабатывает с точностью да наоборот. Стоило повысить голос, и он превращался в самого настоящего безумца с налитыми кровью выпученными глазами, и чёрт пойми какими мыслями в голове. Злить его было опасно. Поэтому...

– Меня уволили. Следовательно, денег у меня нет и в ближайшие пару месяцев не будет.

– Уволили? – заведя руки за голову, бросил на меня мутный взгляд. – Так значит, расчёт должны были дать, не?

Чёрт.

– Ещё не дали.

– А когда дадут? Я в гости зайду, – отвратительно усмехнулся, обнажив жёлтые зубы, и махом подскочил с кровати, впившись пальцами мне в предплечья. – Эй, сестрёнка, ну чё ты, а? Ну войди в положение. Всего пару тысяч. В долг. До конца месяца. Отдам, честное слово! Да чтоб мне сдохнуть – отдам! Ты что, брату своему не веришь? Кому, как не мне?!

– Уходи, – зашипела сквозь сжатые зубы, одним взглядом давая понять, что подобное больше со мной не прокатит! Ни копейки он от меня не получит! – Серьёзно, Ден, хватит приходить. Нет у меня денег! Лучше за голову возьмишь пока не поздно...

– Да ты затрахала меня жизни меня учить! – наклонил-

ся ниже и, сузив глаза, взглянул с презрением. – Ты со своей убогой жизнью разберись сначала, *сестрёнка*, чтобы других воспитывать. Эй? Ну чего напряглась? – резко изменился в лице, улыбнулся и мягко похлопал меня по плечу. – Расслабься. Я же пошутил. Пошутил я. Ну? Дашь в долг?

– Я не пытаюсь тебя воспитывать, Ден. Я лишь прошу тебя уйти и забыть сюда дорогу. У меня нет денег!

– Хм... – гадко ухмыльнулся на одну сторону рта, выждал паузу, не отводя от меня взгляда, а затем вдруг сорвался с места и принялся рыскать по комнате, как ищейка.

– Ты что делаешь? Ден! Остановись, чёрт тебя побери! – Самообладание было потеряно. Бегала за ним по квартире, кричала, приказывала убираться и угрожала всем, чем только можно.

Слушила.

В тот раз Денис забрал мой нетбук. Пока я молила его этого не делать, он клялся и божился, что вернёт всё с лихвой, но сейчас ему позарез нужны деньги! А когда попыталась отобрать свою вещь, то Ден сделал взмах рукой, и уже спустя миг я таранила спиной комод, чувствуя привкус крови во рту.

Перед уходом он ещё долго извинялся, говорил, что не собирался меня бить, что погорячился. А потом заорал, что вообще-то я сама виновата, ведь семья должна помогать друг другу, а не выставлять вон, так что и под руку лезть не нужно было.

Дверь захлопнулась за его спиной, и в ту же секунду мне померещилось лицо Августа, будто бы перекошенное от боли, а уже спустя мгновение исчезло. Тогда я решила, что это была очередная галлюцинация.

Это было один из первых моих заблуждений.

Я ещё долго сидела на полу в тёмном коридоре, совершенно опустошённая, без слёз, истерик и даже обиды... Ден был прав – я сама виновата. Я сама довела до этого, когда из-за своей чёртовой неоправданной жалости впервые открыла Дену дверь своей квартиры.

Но ведь жалость – это уже что-то.

Жалость – живая эмоция. А мне было страшно необходимо чувствовать себя живой.

Хотя бы немного.

Хотя бы иногда.

– Значит, первая встреча Дениса с Августом произошла в другой день?

– Нет. В этот же. Но узнала я об этом гораздо позже.

– Что насчёт нетбука? Ты купила себе новый?

– Серьёзно? Новый? – усмехнулась, глядя на доктора. – За какие деньги-то?

– Но... – Ева облизала губы, бросила взгляд в бумаги и как можно тактичнее произнесла: – При обыске квартиры, твой нетбук был обнаружен на столе и без каких-либо видимых

повреждений. Денис его тебе вернул?

Выдержав паузу, опускаю локти на стол и выразительно смотрю на Еву, не надеясь, что поверит, но надеясь, что почувствует каждое моё слово.

– Вы знаете, что такое ломка, доктор? Когда-нибудь в своей жизни испытывали нечто подобное?.. Ломку, когда все резервы искалеченного организма уходят на то, чтобы найти, вернуть «себя настоящего». Того, которому хорошо, весело, беззаботно... Когда «чистый» ты – уже не ты, а всего лишь твой призрак, твоя тень. *То, что от тебя осталось.* Когда ты душу дьяволу готов продать за дозу. Когда реальный мир становится твоим кошмарным сном, а мир, где ты под кайфом – беззаботной реальностью. И ты не хочешь от неё отказываться. Ты не понимаешь тех, кто хочет отказаться... Так неужели вы думаете, Ева, что у кого-то вроде Дениса могло проснуться чувство вины и вместо того, чтобы загнать нетбук барыгам на рынке, он, мучаясь угрызениями совести, решил вернуть его своей жалкой сводной сестрѐнке?.. О, не-е-ет... всё не так, Ева. Ден лучше сдохнет, чем совершит нечто подобное, будьте уверены. А нетбук вернул тот... в кого никто из вас – блюстителей закона, псов правосудия и грѐбанных мозгроправов, не верит и никогда, ни за что не поверит. Нетбук вернул мне Август.

** ** *

Курьер доставил пиццу, а уже через минут двадцать на

дисплее мобильного высветилось имя моей подруги.

– Открывай дверь, – вместо приветствия прозвучало в трубке. – Забыла дома свою «палочку-выручалочку». Не могу до звонка дотянуться.

– Дина, блин! – бросила телефон и ринулась к двери. – Почему не позвонила, когда у подъезда была? – впилась в неё злым взглядом, как только увидела невинную улыбку и глаза хлопающие накладными ресницами. – Я бы помогла тебе. Вот же...

– Я что, по-твоему, не в курсе, что такое пандус? Или не знаю, как лифтом пользоваться? Ты кого во мне видишь вообще?

– Да я не...

– Вот и заткнись. Давай, так и быть, теперь можешь помочь мне через порог перекатиться.

Я познакомилась с Диной около пяти лет назад. У нас был один психотерапевт. Дина, как и я, проходила курс реабилитации, но каждый раз, когда мы с ней сталкивались, она была в таком хорошем настроении, всегда улыбалась, что я никак понять не могла, какого чёрта ей нужна эта долбаная психологическая поддержка, ведь она и так отлично справляется! Не унывает после аварии, в которой получила серьёзную травму позвоночника и стала колясочницей, а даже наоборот, продолжает радоваться жизни, словно ничего страшного и не случилось, словно потеря чувствительности ног сродни сломанному ногтю. Так, – мелочи жизни.

С каждой нашей встречей разговоры становились всё дольше, манера общения проще, а шутки... Да, порой её шутки были грубыми и чересчур правдивыми, способными обидеть, но, как ни странно, злиться на неё не хотелось. Ведь Дина была настоящей, искренней, безо лжи и притворства.

Однажды она бросила шутку по поводу моих шрамов на открытом участке груди, что-то в стиле: «Кайф ловила, или от котиков убежала»? А я ответила: «По крайней мере, я на это способна». С того дня мы и стали подругами. И я, руку на сердце положая, могу сказать, что Динка самый сильный, самый стойкий и самый потрясающий человек из всех, каких мне только доводилось встретить в жизни.

Она редко унывала. А ещё, Дина была более чем уверена, что однажды её спинной мозг выйдет из долгой спячки, к ногам вернётся чувствительность и она пропишет мне с десяток пенделей, которые я, по её мнению, заслужила. Да что уж там... у этой чертовки даже ухажёров было хоть отбавляй! Весёлая, лёгкая в общении, красивая и ухоженная жгучая брюнетка, всегда макияж, как у куклы, а кофточки с нереально глубоким декольте. А главное – у моей подруги совершенно не было комплекса неполноценности. Ну не удивительная ли она?

– Твою мать, я же просила: только не пепперони! – фыркнула Дина, бросив кусок пиццы на тарелку.

– На неё была акция, вот и взяла. Чего выделяешься вообще? На прошлой неделе ты одна почти всю такую же

схотмьячила.

– Вот именно, – скривилась, но вновь подхватила кусок пиццы с тарелки, – на той неделе схотмьячила, – на этой неделе от неё тошнит. И где вообще моё пиво?

Всё было как обычно... Лёгкое пиво, пицца, мороженое на десерт, разговоры обо всём на свете. Разговоры о Витьке и о том, как скоро я собираюсь ему дать. *О, да. Это же Дина.*

А затем пошли вопросы в стиле: «В каких облаках ты витаешь? Думаешь, я слепая? Не вижу, что с тобой что-то не так? И что у тебя с губой? И вот только не говори, что об дверной косяк стукнулась»!

– Всё в порядке, – приходилось врать и улыбаться. *Врать в очередной раз.*

Теперь же думаю, может и стоило ей рассказать про Августа? Стоило втянуть в своё безумие и попытаться убедить, что у меня не поехала крыша, и психиатр тут уже вряд ли поможет.

Думаю, что хреновая из меня вышла подруга. Я так и не смогла разрушить стену, что выстроила перед собой после встречи с Марго и Филипом. Я так и не смогла позволить Дине до конца разрушить эту стену. Я слишком много ей врал.

– И ты просто взяла и впустила его в квартиру?.. – выдохнула с осуждением, после моего короткого рассказа о Денисе. – Этого наркомана? Взяла и впустила?.. Чёрт, Ника... Да ты совсем еб***ая?! А если бы он с ножом на тебя кинулся,

что тогда? Он же больной на всю голову урод! А ты...

– Хватит! – не выдержав, воскликнула и добавила тише на тяжёлом выдохе: – Пожалуйста, хватит. Да, я идиотка, и прекрасно осведомлена об этом. Давай сменим тему, ладно?

Брови Дины выгнулись:

– Сменим тему? И даже в полицию не позвоним? Тебя так-то обокрали, подруга!

– Ну я же просила: хватит.

Боже...

Потерев лоб пальцами, с уставшим видом я покачала головой.

Ну вот и дёрнул меня чёрт рассказывать Динке об этом?.. Зная её характер, молчать, как партизану нужно было. Теперь ещё минут тридцать возмущение своё унимать будет и параллельно меня воспитывать.

Пришлось предложить ей напиток покрепче.

– Особо не налегай, – после второго бокала вина, я решила убрать бутылочку как можно дальше от уже далеко не трезвой подруги. Зато атмосфера заметно изменилась, напряжение спало, никто не пытался меня жизни учить, и даже дышать как-то легче стало. *Да, и я уже говорила – подруга из меня вышла хреновая.*

Наконец Дина сменила тему и принялась рассказывать о своём последнем ухажёре, с которым, к слову, познакомилась в сети.

– Он такой секси, ты даже себе представить не можешь!

Просто БОГ СЕКСА! – кричала Динка заседая в туалете, пока я, развалившись на кровати, пялилась в потолок и с трудом удерживала открытыми наливающимися свинцом веки. Клонило в сон. – Эй, ты там меня слушаешь?

– Ага! – постаралась ответить с энтузиазмом да погромче. – Откуда тебе знать, что он Бог секса, если ты с ним даже не спала?

– Я... ну, я просто чувствую это! Интуитивно и на все сто, понимаешь? Этот парень просто нечто! Такого красавчика у меня ещё не было! А ещё он смешной, умный, харизматичный! Просто «ММ»!

– Чего?

– Мужик Мечты! Мечта-Мужик! Мега-Мужик! Ма-чо-Мэн! Мистер-Монстр! Продолжать?.. Ну ты деревня, конечно.

– Да с чего ты вообще взяла, что он такой? – я цинично усмехнулась.

– Из нашего с ним общения вообще-то! – Уверена, Дина сейчас закатила глаза.

– Вы ж только по сети общались, – последнее моё слово съел смачный зевок, но Динка, кажется, суть уловила. Ещё бы, если дело касается её «ММ».

– И что? – закричала из туалета. – Ничего ты не понимаешь в мужиках, Ник. Я прям нутром чувствую: он – моё! Вот прям МОЁ!

– Вот как, – прозвучал сбоку весёлый смешок с хрипот-

дой, а следом слова, от которых кровь застыла в жилах, в висках застучало с силой гидравлического молота, а сердце с силой ударило о рёбра, а следом от страха рухнуло в самые пятки. – «ММ», значит?.. Видишь, Рони для кого-то я – мужчина мечты, а для кого-то... всего лишь оживший кошмар. Обидно, знаешь ли.

Август стоял у изголовья моей кровати и, сверкая чёрными, как ночь глазами, опасно улыбался.

– Думаете, я и это придумала, доктор?

– Нет, но... было проведено тщательное расследование, Вероника, и между Августом и Диной не было обнаружено никаких следов переписки, – отвечает Ева.

– Да говорю же: он всех нас одурачил! Меня, вас, следствие, Дину! Всех, кто когда-либо вставал у него на пути!.. Боже...

– Прошу, успокойся, Ника. Давай немного передохнём, хорошо?

– Какой смысл? – качая головой и истерично посмеиваясь, бросаю на Еву лихорадочный взгляд. – Какой смысл мне всё это выдумывать, а? Для чего?! ДЛЯ ЧЕГО?!

Ударяю кулаками по столу, одновременно вскакивая на ноги, и тут же оказываюсь в захвате у налетевшей на меня охраны.

– ДЛЯ ЧЕГО МНЕ ВСЁ ЭТО ВЫДУМЫВАТЬ, ЕВА?!

ДЛЯ ЧЕГО?! СКАЖИТЕ! КАКОЙ СМЫСЛ?!

– Оставьте её в покое! Всё под контролем! – Ева пытается пресечь действия охраны, но тщетно... ПОТОМУ ЧТО НИЧЕГО НЕ ПОД КОНТРОЛЕМ!

– Вы УЖЕ на прицеле! – громко смеясь и глотая слёзы, кричу, пока охрана силой тащит меня к двери. – Он играет с вами! Вы все просто игрушки в его руках! А вы, Ева, сейчас здесь и говорите со мной не потому, что этого требует следствие, и даже не потому, что с какого-то хрена загорелись желанием мне помочь! Вы здесь... вы слушаете мою историю... только потому, доктор, что Август вам это позволил! Ведь если бы он этого не хотел, я бы уже давно была мертва!!!

Глава 4

*Смешная девочка с косичкой, платье в рюши.
В глазах искрится солнце, на носу веснушки.
Смешная девочка в руках синичку держит.
А злобный голос в голове приказы шепчет.
«Убей её – получишь отпущенье».*

Не дрогнула рука.

Синичка в небо улетела,

А девочка мертва.

– Ты любишь животных, верно, Ника?

– С чего взяли?

– Я изучила твои рисунки, – с несколько секунд поколебавшись, отвечает Ева и вытаскивает лакированного чёрного чемоданчика стопку хорошо знакомых мне бумаг. – Ты любишь рисовать животных и... и портеры людей, я права? – спрашивает об очевидном.

– К чему вы ведёте, Ева? Вряд ли хотите, чтобы я и вас нарисовала, – поднимаю на доктора тяжёлый взгляд. – Гово-

рите прямо, ни к чему заходить издалека.

Между бровями Евы появляется неглубокая морщинка, глаза слегка сужаются, а на лице проступает нечто очень похоже на беспокойство. Хм-м. Она беспокоится? За меня?..

– Как ты спала, Ника? Выглядишь...

– Я не спала, – отрезаю. – Не смогла уснуть. А что? –жимаю плечами, и на запястьях звенят наручники, которые в этот раз охрана не соизволила с меня снять.

Доктор тихонько выдыхает, видимо пытаюсь смириться с моим сегодняшним настроением, затем вытаскивает из середины стопки один из рисунков и демонстрирует мне.

– Эти собаки, – говорит со всем спокойствием, – питомцы Августа, верно? Ты упоминала о них вчера.

На небольшом клочке бумаги карандашом и не особо аккуратно изображены два чёрных скалящихся во все зубы доbermanа.

– Питомцы? – мрачно усмехаюсь. – Питомцев обычно любят. А у Августа... с этими тварями были, скажем так, особые отношения.

– Какие?

– Не знаю, – дёргаю плечами. – Напряжённые. Как-то так.

– Напряжённые? – переспрашивает для чего-то. – Не расскажешь об этом поподробнее. *Пожалуйста.*

– Скорее они контролировали Августа, чем он их. Собаки следили за тем, как хорошо он выполняет свою работу.

– Вот как, – кивает, будто понимая меня. – И как их звали?

Этих собак.

– Никак. У них не было имён. Каждый раз Август обращался к ним, как в голову взбредёт. Считал это забавным. У него странное чувство юмора, знаете ли.

Доктор выдерживает паузу, откладывает рисунки на край стола, сцепливает пальцы в замок и смотрит на меня со всем вниманием:

– Расскажи, что случилось потом. После того, как Август появился в твоей квартире.

– Я велела ему убираться.

– Но он, конечно же, не стал тебя слушать?

– Август в принципе не склонен к тому, чтобы кого-либо слушать и слушаться, – тяжело вздыхаю и устремляю взгляд в пол. – Сложно было взять себя в руки. Я пыталась отрицать факт его присутствия. Закрывала глаза, зажимала уши, пыталась заставить себя поверить в то, что вновь словила очередную галлюцинацию, но...

** ** *

– Тебя здесь нет. Тебя здесь нет. Тебя не-е-ет... – дрожащим голосом шептала себе под нос, так, чтобы Дина не услышала. Чтобы не стала свидетелем моему безумию. Я до последнего не хотела втягивать в этот кошмар свою лучшую подругу. Но – дура, – не учла тот факт, что кто-то другой уже сделал это за меня. Август втянул Дину в свою игру ещё раньше, чем пришёл ко мне.

Поднявшись на ноги, бродила по комнате из стороны в сторону, глаза мои были закрыты, ладони с силой прижаты к ушам, а затем... затем Август преградил мне путь, схватил за запястья и резко опустил мои дрожащие руки.

Дыхание моё застыло на вдохе, внутри всё стянулось в тугой узел. Смотрела на него огромными глазами, в которых всюду щипало от накатывающих слёз, и... и чувствовала тепло его пальцев на своей коже. Я чувствовала его... как и в тот раз. Моя галлюцинация была слишком реальной, самой настоящей, из плоти и крови!

Думаю... именно в тот момент, именно во второе его появление, будучи на грани от нервного срыва, будучи в диком ужасе от происходящего, я неосознанно пришла к выводу, что если и дальше буду отрицать факт его существования, то свихнусь гораздо быстрее, нежели смирюсь с его присутствием. Поверить в то, что мальчик, который был моей выдумкой, вырос и пришёл за расплатой – было единственным выходом, чтобы окончательно не рехнуться.

В чёрных, как два оникса глазах, играли опасные чёртики, губ касалась ехидная ухмылка, а пальцы всё сильнее сжимались на моих запястьях... Становилось больно.

– Ты не можешь причинять мне боль, – стоило лишь подумать об этом и слова сами нашли выход изо рта. Тихие, слабые, без капли уверенности.

Ухмылка на губах Августа стала ярче; его забавляла моя реакция, ему нравилось чувствовать власть над ситуацией.

Чувствовать власть надо мной.

– Разве я делаю тебе больно, Рони? – зловещим шёпотом, и его горячее дыхание коснулось кожи.

Вздрогнула, веки невольно опустились, а по коже побежали мурашки.

– Разве-е-е? – повторил ласковым и одновременно таким жутким голосом, что внутри всё задрожало от страха, волосы на шее встали дыбом.

Я старалась не шевелиться... нет, думаю, я просто была на это не способна. Тёплыми пальцами он скользил по моим обнажённым рукам, поддел бретельки топа, что едва прикрывал грудь, и нарисовал невидимые дорожки на ключице, затем на шее... Медленно. Слишком медленно. Издеваясь.

Шаг, всего мгновение, и Август оказался позади меня. Крепкие ладони легли на подрагивающий живот, горячие губы коснулись изгиба шеи, и я невольно вздрогнула, до скрипа сжав зубы.

– Как давно тебя касался мужчина? – прошептал на ухо, намеренно задевая мочку губами и тем самым пропуская сквозь меня разряды электричества.

От грани до грани: мне было безумно страшно, но, в то же время, каждое его прикосновение рождало во мне что-то новое, что-то, что позволяло чувствовать себя другой – живой, наполненной.

– Ник! Ты там что?! Уснула, а?! Подожди! Я скоро! Теперь понятно, кстати, почему переронни была на акции, чёрт! –

раздался голос Дины из туалета, и я вздрогнула с новой силой, пришла в себя, словно вышла из некоего дурного транса.

Дёрнулась вперёд, желая лишь одного – сбежать, отстраниться. Но руки Августа капканами сомкнулись теле; рванул назад, ударив лопатками о твёрдую грудь, и сжал меня с такой силой, что дышать стало трудно.

– *Отпу...сти.* Отпусти, – пробормотала невнятно, дрожа с ног до головы.

– Брось, тебе не больно. Я не могу причинять тебе боль, – раздался его насмешливый низкий голос. – Ты ведь *этого* хочешь... *Рон-и-и.* Тебе нравится это. Я чувствую, меня не обманешь. Кого угодно, но не меня.

Ладонь вновь коснулась живота, пальцы рисовали круги, плавно двигаясь вверх, забираясь под топ. Дыхание становилось громче, отрывистой. Внутри всё протестовало, ходило ходуном, в голове завывала сирена, мысли превращались в липкую паутину, а тело меня предавало.

Кому, как не Августу я могла позволять себя касаться? Только перед ним я могла быть собой, могла говорить, что думаю, могла не стесняться чувств и не стыдиться многочисленных шрамов. Кого, как не Августа я могла любить, если он был моим ожившим идеалом?.. Кого, как не Августа я могла так горячо ненавидеть, ведь его жестокость, его бесчеловечность, как в итоге оказалось, не знали границ.

Только рядом с ним чувства и ощущения обострялись. Только Август мог дать мне то, чего никто в этом мире не

мог дать... Он делал меня живой. Глубоко противоречивые эмоции, что я испытывала в его присутствии, делали меня *живой*.

И лишь одно меня останавливало от прыжка с обрыва...

– Не смей её трогать, понял? – прошептала, вкладывая в голос все имеющиеся у меня силы. – Не смей трогать Дину.

Ладонь Августа замерла на моей груди. Сквозь тонкую ткань лифчика пальцы сжали твёрдую вершинку, горячие губы коснулись чувствительно кожи за ухом и оставили короткий обжигающий поцелуй.

Проклятье...

Изо рта невольно вырвался шумный выдох, и я поняла, что теряю остатки самообладания. Иду на поводу у собственного безумия, позволяя Августу делать со мной *это*.

Боже... выдуманный мною мальчик, делает *это* со мной.

– Волнуешься за свою подружку? – тёплое дыхание опалило кожу. Большая мужская ладонь настойчиво сжимала грудь, пальцы забирались под тонкую ткань лифчика и...

... и больше всего на свете мне хотелось, чтобы это прекратилось.

Как и больше всего на свете хотелось, чтобы Август не останавливался.

– Тогда отпусти меня, Рони, – утробным рычанием на ухо. – Отпусти, верни мою свободу и, даю слово, твоя подружка не пострадает. Всегда можно договориться.

Только тогда, услышав, как он угрожает моей подруге, во

мне что-то щёлкнуло, сработал некий внутренний переключатель, и словно пелена с глаз упала!

«Что я творю?..»

– Отпусти. – Очередная попытка сбежать вновь провалилась. Хватка Августа стала крепче, движения рук, которыми он ласкал моё тело, увереннее, решительнее. Грубее. – Что ты со мной делаешь? – прошипела сквозь сжатые зубы. – Как ты это делаешь?

– Делаю... *что?* – лениво, с насмешкой в голосе протянул, забираясь пальцами за резинку моих домашних штанов. – Как делаю тебе приятно?

– То, как внушаешь мне это.

– Внушаю? – насмешка в голосе стала сильнее. – Глупышка... я всего лишь даю тебе то, что ты так глубоко спрятала внутри себя. Вытаскиваю из тебя твою истинную сущность. Тебе же нравятся мои ласки, не отрицай. Иначе... я бы просто не смог идти против твоего желания, – такие правила, ты это знаешь. *Ты...* их придумала.

– Тогда я не хочу. Отпусти. Не смей меня трогать. Отпусти! Я приказываю!

Холодный дьявольский смех пронёсся по комнате, а в следующий миг пальцы Августа впились в предплечья и он круто развернул меня к себе лицом.

Черты его ожесточились, глаза опасно блестели.

– Убирайся, – почти беззвучно, дрожа с ног до головы прошептала. – Убирайся, Август и больше никогда не прихо-

ди.

– Серьёзно? – уголок губ дрогнул в гадкой ухмылке. – Думаешь, я по собственной воле давлюсь твоей компанией, а, *Рони*?

Резко дёрнулся, завёл ладонь мне за шею и грубо притянул к себе, припав лбом к моему лбу.

– Хочешь, открою тебе маленький секрет? – зашипел в лицо.

Я промолчала.

– И всё же... расскажу, – хмыкнул. – Видишь ли, *Рони*, дело в том, что я здесь, в твоей квартире, рядом с тобой, трогаю тебя, говорю с тобой... только по одной единственной причине... Не потому, что *Я* так хочу. *А только потому, что ТЫ мне это позволяешь.*

– Неправда... – почти беззвучно.

– О, правда, *Рони*. Правда! Разве я врал тебе когда-нибудь? – невесело усмехнулся. – Все твои внутренние демоны рвутся наружу, когда я рядом с тобой. И ты не можешь их прогнать, потому что ты *не хочешь* их прогонять. Ты *не хочешь* прогонять МЕНЯ! Ты всё ещё нуждаешься в моей помощи, в моей поддержке, в моей силе. Все эти пять лет... ты ни на день меня не забывала. Дурочка. Так и не смогла найти в себе силы. Я буду рядом, *Рони*, так долго, пока ты *ТЫ* мне это позволяешь. Потому что ты зависима от меня. Я – твоя слабость. И так было всегда. Но с этим пора заканчивать!

– Я не нуждаюсь в тебе, – голос мой звучал громче, хоть

и внутренности с каждой секундой всё сильнее сжимались в ледяной комок. – Я не верю в тебя, Август. Ты – плод моего воображения. Не больше.

– Хм... – отстранился и скривил губы в ядовитой ухмылке. – А плод твоего воображения может... вот так? – лёгкое движение головой, и настенная полка нагромождённая стопками книг и журналов, в ту же секунду с грохотом полетела на пол. А ещё секундой позже из туалета донёлся перепуганный до смерти визг моей подруги:

– ТВОЮ МА-А-АТЬ! Какого чёрта у тебя там происходит?! Что это было?! Ника-а-а!

Я была настолько шокирована, что была не в силах ответить Дине. Но желание предотвратить встречу Дины с Августом оказалось сильнее внутренних страхов, и сама того от себя не ожидая я вдруг бросилась к Августу, ударила ладонями по его груди и разъярённо зарычала, чтобы он немедленно убирался из моей квартиры и больше никогда не смел здесь появляться!

– Что тебе надо?! Свобода? – шипела, глядя в его расслабленное лицо. – Забирай её! Забирай и убирайся! Навсегда! Я не держу тебя! Ты не нужен мне! Я не нуждаюсь в тебе! Пошёл ВОН!!!

Да, я лгала. Но на тот момент не понимала того, как сильна была моя ложь. Я верила в неё. Верила в то, что говорю чистую правду! То, что чувствует сердце! Думала, что Август – просто кошмар свалившийся на мою голову и меньше

всего на свете я хочу, чтобы этот кошмар продолжался.

Но...

Я могла обмануть, кого угодно, но только не Августа. Ведь если бы я искреннее, от всей души, хотела от него избавиться, забыть его... он бы никогда не нашёл дорогу ко мне.

– Для этого я, собственно, и здесь, Рони, – нагло ухмыльнулся, мягко обхватив мои запястья пальцами. Поднёс к лицу и прижал кулаки к своим щекам, словно прося о ласке. – Я хочу, чтобы ты отпустила меня. По-настоящему отпустила... пока ещё не поздно. Поверь, меньше всего на свете я хочу заставлять тебя испытывать угрызения совести, но... может получиться так, что ты не оставишь мне другого выбора.

На последнем слове его взгляд устремился поверх моей головы, и я прекрасно понимала, что стало тому причиной.

Дина.

– Вот это жесть... – прозвучал её озадаченный голос, и мимо нас с Августом проехала моя подруга в инвалидном кресле. – Как она оттуда свалилась-то?

В горле стоял ком, а язык, казалось, прирос к нёбу, так что я была не в состоянии ответить. Понимание того, что Дина не может видеть Августа, что прямо в ту минуту прожигал её опасным взглядом, стало последней каплей во всём этом безумии. Голова резко закружилась, перед глазами заплясали тёмные пятна, и я без сил опустилась на пол.

В ушах гудело.

– Эй?! Что с тобой? Ника! Что с тобой, спрашиваю? Пло-

хо? – бросилась ко мне Динка.

– Н-е-ет, – я слабо закачала головой. Меньше всего на свете хотелось давать Дине новую причину для беспокойств. Их и так было слишком много.

А в это время Август, с видом, словно предвкушая, сколько ужасных вещей может сделать с Диной, обходил её по кругу и пожирал взглядом.

Я была не в силах на это смотреть. Была не в силах принимать это, мириться с этим... Я не могла допустить, чтобы по моей вине с Диной случилось что-то плохое.

– Что я должна сделать? – прошептала, смиренно глядя на Августа.

– Что? В смысле? Куда ты смотришь? Эй, я здесь, аллэ! – тут же подхватила Динка, и её ладонь оказалась на моём лбу. – Странно. Жара нет. Знаешь, подруга, думаю, тебе стоит прилечь. Принесу воды.

– Какая хорошая у тебя подруга, – цинично усмехнулся Август, глядя в отдаляющуюся спину Дины. – Днём с огнём таких не сыщешь, верно?

– Что я должна сделать?! – повторила громче и яростнее. – Говори и убирайся!

Август сделал шаг ко мне, присел на корточки, и мне пришлось сжать зубы и прикусить язык, чтобы никак не отреагировать на то, что его ладонь коснулась моей щеки.

– Ну сколько раз ещё мне повторять, глупенькая? – вздохнул, словно очень-очень расстроен. – Верни то, что принад-

лежит мне, и я оставлю тебя в покое, обещаю. Время поджигает, Рони. Скоро стукнет пять лет с того дня, как ты меня создала. И если до этого времени ты наконец не поймёшь, что больше не нуждаешься во мне, всё начнётся с начала, отсчёт пойдёт заново и тогда... придётся мне быть твоей тенью ещё целых пять мучительных лет... И если ты допустишь такую оплошность, Рони, страшно представить... как сильно я буду расстроен, и во что от обиды могу превратить твою и без того убогую жизнь. – Придвинулся ближе и зашептал в самое лицо: – Возненавидь меня, перестань нуждаться во мне, Рони. Искренне и от всей души. Иначе... я помогу тебе это сделать. Ну, что ты, девочка моя, – улыбнулся без капли нежности и провёл костяшками пальцев по моей мокрой от слёз щеке, – не такой уж я и садист, у тебя ещё есть время. Постарайся, ладно?

– Почему – пять?.. – одними губами произнесла, чувствуя себя совершенно опустошённой. Не знаю, почему я задала именно этот вопрос из десятков возможных, но... я чувствовала, что ответ на него крайне важен.

Глаза Августа в подозрении прищурились:

– Неужели... правда, ничего не помнишь?

– Что именно я должна помнить?

– Хм... Действительно. Не помнишь, – произнёс с глубоким разочарованием, выдержал паузу, которая по ощущениям длилась вечность, а затем вдруг обхватил моё лицо ладонями, притянул к себе и коротко, но с силой с жаром при-

жался губами к моим губам. – Не бойся, Рони, – прошептал, слегка остранившись, – я не Филип... я не смогу взять тебя силой... даже если очень этого захочу.

Когда в комнату вернулась Дина, Августа в ней уже не было.

– Ну ты как? – поинтересовалась с беспокойством, после того, как заставила меня выпить полстакана воды. – Полегче стало?

Неуверенно кивнула и на ватных ногах поплелась к кровати.

– Ну а я что говорю? – фыркнула сзади Дина. – Это всё грёбаная пепперони виновата, отвечаю! О! А это ещё что? Подарок? Кому? Мне-е-е? – протянула вдруг, и я так круто развернула к ней голову, что хрустнули шейные позвонки.

– Не открывай! – успела лишь вскрикнуть, но Дина уже сорвала бант с маленькой красной коробочки, что держала в руках, и заглянула внутрь.

– Тот подарок оставил Август? – спрашивает Ева, явно впечатлённая детализацией моего рассказа.

– Да. Кто ж ещё? Август пытался надавить на самое больное, вспороть старые раны, заставить меня начать испытывать к нему то же самое, что когда-то я испытывала к Марго и Филипу. Он хотел стать для меня одним из тех, кого я всей душой возненавижу, но... Август ошибался. Таким об-

разом, он бы никогда и ни за что не смог обрести желанное освобождение.

– Твоя любовь была к нему настолько сильна, Ника?

– Любовь? – мрачно усмехаюсь. – Это зависимость, Ева. Это как наркотик, даже хуже. Им можно плевать, можно давиться отвращением, душиться злобой... но от него ни за что нельзя отказаться, – просто не сможешь, силы воли не хватит. Это болезнь. И цена выздоровления была слишком высока.

Ева выдерживает паузу, глядя на меня глубоко задумчивым взглядом, затем негромко прочищает горло и возвращается к предыдущей теме:

– Так что же находилось внутри коробочки, Ника?

– А разве вы не знаете? – я с горечью усмехаюсь, отводя взгляд от раздражающе спокойного лица Евы. – Или вы думаете, это было моей идеей хранить лезвие в подарочной коробке украшенной милым атласным бантиком?

К лезвию прилагалась записка:

«В память о лучших днях твоей жизни».

Глава 5

** **

Подвал в котором меня держали был похож на тесную бетонную коробку. Там пахло сыростью и старыми газетами, стопки которых занимали половину территории. Под низким потолком, на проводе болталась одинокая лампочка; она и стала моим *солнцем*, ведь кроме неё в подвале не было ни единого источника света. Как и часов не было, так что время потеряло для меня всякое значение. И если поначалу благодаря биологическим часам я ещё могла отличать день от ночи, то очень скоро чувства мои притупились. Как и надежда моя на спасение становилась всё призрачнее... и призрачнее...

Порой казалось, что между визитами Марго и Филипа проходили сутки, а то и несколько, а порой казалось – всего пара часов. Часто бывало, что свежие царапины ещё не перестали кровоточить, а на смену Марго уже являлся Филип и с азартной улыбкой на губах принимался сдавать карты.

О, да. Филип обожал играть в карты. В то время когда мне приходилось этому учиться, чтобы угодить своему похитителю. Приходилось заставлять себя не думать о боли, о страхе, о том, где нахожусь, и какая участь меня ждёт. Приходилось подыгрывать Филипу, – и не только в карты. Со време-

нем я даже взяла контроль над эмоциями и, когда нужно было, выдавливала из себя улыбку, огорчалась проигрышам и радовалась редким победам.

Филип питался моими эмоциями. Это я тоже поняла со временем.

И Филип никогда не нарушал правила, которые сам же придумал.

Он считал, что вся наша жизнь – это большая игра, в конце которой каждый получит то, что заслужил. Так и в игре в карты: одержавший победу заслуживает награду, проигравший – наказание.

Я так часто получала наказание, что со временем перестала считать, сколько раз Филип *это* со мной сделал. Иногда он был нежным, иногда грубым, – всё зависело от настроения, а иногда... иногда я была готова предпочесть тысячу порезов от Марго, лишь бы навеки-вечные избавиться от Филипа. Лишь бы больше никогда в жизни его руки не касались моего тела. Лишь бы его мерзкое дыхание никогда не скользило по коже. Лишь бы больше никогда не чувствовать его запах...

Порой всё же случалось, что победу одерживала я. Не знаю: заслуженная ли она была, или Филип по каким-то причинам поддавался мне, но, так или иначе, правилам он следовал, и я получала заслуженную награду. Приз мог быть каким угодно, за исключением всего, что касалось моего освобождения и связи с внешним миром. Ни Филип, ни Марго

отпускать меня на волю не собирались, а я собиралась умирать, так что же ещё можно было пожелать, если не картошку фри, огромный бургер и Колу со льдом?.. Подобные желания настолько умиляли Филипа, что ко всей этой горе фастфуда он бонусом добавлял ведёрко клубничного мороженого.

А один раз я попросила его включить для меня фильм. Какой угодно, – на его усмотрение. Всё чего я хотела – это немного отвлечься от жестокой реальности, в которой была вынуждена существовать. Хотела услышать голоса других людей. Хотела увидеть другие лица, другие декорации...

Филип включил «Молчание ягнят».

Больше я никогда не просила включить фильм.

– Кого я боялась больше: Марго, или Филипа?.. Сложный вопрос, от каждого из них можно было ожидать что угодно. Каждому из них нравилось чувствовать своё превосходство над тем, кто слабее. Над тем, кто сломлен. Над тем... кого некому защитить.

– Но ты не сломалась, Ника, – Ева звучит уверенно. – Ты нашла в себе силы сбежать из того дома...

– Думаете, у меня были на это силы? – перебиваю, мрачно усмехнувшись. – Серьёзно?.. Меня резали. Меня били. Меня мучали голодом. Меня морально уничтожали. Меня насиловали. Меня заставили поверить в то, что такой жалкий кусок дерьма, как я не нужен этому миру. Я не желала осво-

бождения, Ева. Я искала смерти.

– Полагаю, то, что ты чувствовала, Ника, можно назвать конфликтом сознания и подсознания. А в таком случае...

– О чём вы? Не было никакого конфликта! – гремя наручниками, перегибаюсь через стол, а доктор даже не шелохнулась, – продолжает держать спину прямо и даже в лице не меняется. – *Не было... никакого... конфликта...* Меня спас Август. И если раньше я в этом сомневалась, то теперь точно знаю, – это он пришёл мне на выручку. Это он наказал моих обидчиков. Это он вытащил меня из того Ада, в то время, когда я просила его совсем о другом... Август обманул меня.

– Допустим, – Ева отвечает со всем спокойствием. – Но ты же знаешь, что в сгоревшем доме не было найдено ни одного тела.

– Ни одного? – спрашиваю с усмешкой. – А сколько тел, по-вашему, там должно было быть?

Ева не поняла мой вопрос. И я могла бы сказать, что он был риторическим, но это не так. Скорее, я проверяю, насколько хорошо она осведомлена о том, какие показания я давала пять лет назад. И, судя по всему, Еве известно не так уж и много.

– Вернёмся к разговору об Августе, – переводит тему. – Выходит, он явился к тебе спустя пять лет, для того, чтобы получить свободу? Но о какой свободе шла речь? Разве ты удерживала Августа силой? Насколько я понимаю, Август был твоим созданием, а значит, изначально принадлежал те-

бе, о какой краже в таком случае шла речь?.. Ты ничего не крада у него, Ника. Исходя из этого, считаю, что тот метод каким решил воздействовать на тебя Август, крайне нелогичный.

– Метод запугивания и угроз?.. Хм... А что ещё ему оставалось? Уничтожать морально, давить на самое больное, использовать Дину, – единственного дорогого мне в этом мире человека, и вновь окунуть меня в кошмар пятилетней давности – всё, что ему оставалось. Только Август знал меня настоящую, знал все мои уязвимые места, мои страхи, знал, какой рычаг опустить, чтобы заставить меня действовать... Знаете, кто самый опасный враг, доктор?.. Тот, кто был тебе другом. И, пожалуй, я вполне способна понять, почему Август зашёл именно с этой стороны, – глупо отказываться от игры, когда у тебя все козыри в рукаве.

– Но Август ошибся, верно? Даже с козырями, он не довёл игру до конца.

– О, нет... – мрачно усмехаюсь. – Август вовсе не заканчивал игру, – он всего-то её временно остановил, оставив себе главный козырь.

– Ты говоришь о причине, по которой оказалась здесь? Замолкаю.

Выдерживаю паузу, глядя в стол пустым взглядом и даже не знаю, что ответить Еве. Она всё равно не поверит. Никто мне не верит.

Но Ева вновь возвращается к разговору об Августе и тем

самым избавляет меня от необходимости отвечать.

– Запасной план Августа также не увенчался успехом? – спрашивает Ева, и я медленно поднимаю на неё глаза. – Или же он осознанно решил не доводить его до конца?

– Я не знаю, – отвечаю честно.

В горле стремительно вырос горький ком, и я почувствовала, что задыхаюсь. Не хочу говорить. Не могу говорить. Даже думать об этом не хочу.

Глаза жгут слёзы, рваная рана на сердце болит всё сильнее, кровоточит. Руки так сильно дрожат, что звякают наручники, а внутри всё с силой сжимается.

– Ника... давай возьмём небольшой перерыв, хорошо?

– Нет, – отвечаю резко и неожиданно даже для самой себя.

Я должна продолжить.

Должна закончить рассказ. И пусть Ева не верит ни единому моему слову... я должна доказать самой себе, что могу о нём говорить. Могу рассказать об Августе всё! Без тени страха! Могу выдать все его секреты... и он ничего... ничего не сможет мне сделать.

Потому что он сбежал!

Потому что Август получил свою чёртову свободу!

** ** *

Я ведь уже говорила, что у Августа было ужасное чувство юмора?.. То, что казалось ему смешным до колик в животе, могло спокойно довести до инфаркта любого здорового че-

ловека.

В то утро после его визита я проснулась от доносящегося из-за входной двери и такого знакомого мне звука... *цок-цок-цок*.

Цок-цок-цок! Звучало всё громче, всё ближе! Прямо у самой-самой двери!

Цок-цок-цок!

Боже... такого дикого парализующего страха я давно уже не испытывала. Слезы вмиг брызнули из глаз, внутри всё напряглось, сжалось. Казалось, душа покинула тело, перед глазами всё закружилось, заплясало разноцветными пятнами, дышать стало невыносимо трудно. Сознание уплывало от меня, обморок был не за горами. И, пожалуй, это могло стать идеальным решением проблемы, если бы не...

«Цок-цок-цок», – прозвучало у самой кровати, и сдавленный крик вырывался из груди, одновременно с тем, как тело, словно действуя само по себе, выскочило из-под одеяла, и я даже опомниться не успела, как в руках оказалась пустая бутылка из-под пива выставленная вперёд, как средство самозащиты.

Но в комнате никого не было.

«Глория»... – зашумел в голове голос Марго, а следом раздался громкий весёлый смех Филипа.

«Твоя очередь, Глория. Делай свой ход.»

– Пошёл вон из моей головы! Проваливай к чёрту, Август!!! – сорвалась на каркающий крик, швырнула бутылку

на кровать и бросилась в ванную, под ледяной душ, прямо в ночной сорочке.

Август издевался надо мной.

И это была лишь вершина айсберга. Голоса, что я постоянно слышала, жестокий смех, стук каблуков, звук тасования колоды, и это имя... *Глория*. Имя, что дала мне Марго.

Теперь оно доносилось отовсюду. Звучало вместе с шумом ветра, вместе с шелестом листвы, с детским смехом, с голосами прохожих, с лаем собак...

– *Глория*, – шепнул мне на ухо проходящий мимо мужчина, а когда я взвизгнула в ответ и отскочила от него как ошпаренная, тот посмотрел на меня как на умалишённую, покрутил пальцем у виска и поспешил убраться подальше.

– Прекрати... прекрати это, – прошептала, остановившись на тротуаре. – Ты ничего не добьёшься тем, что будешь меня изводить. Прекрати это, Август!

В ответ, словно далёким эхом, в голове прозвучал его холодный смех.

Галлюцинации, как слуховые, так и зрительные становились частью моей жизни. Август делал это со мной. Август направил все умения, которые обрёл лишь благодаря мне, против меня же. Я сама вручила ему это оружие, и теперь Август мастерски точно выпускал в меня пули... одну за другой... точно в голову.

Марго и Филип теперь были повсюду. Мерещились везде, куда бы я не пошла, где бы не находилась, будь это дом, ули-

ца, интернет-кафе, дешёвая забегаловка, которую мы с Диной так любили посещать, ведь там варили на удивление отменный кофе...

Теперь кофе протягивал мне не кассир за прилавком, а Марго. Точнее не кофе, а густой томатный сок в пластиковом стаканчике.

Теперь за нашим с Диной столиком сидел ещё и Филип.

Я знала, что это невозможно. Знала, что это Август заставляет меня видеть то, чего на самом деле рядом нет, да и быть не может, но... они казались такими настоящими. *Марго и Филип*. Словно и не проходило пяти лет с нашей последней встречи. Словно они всё это время были рядом, дышали мне в затылок и злорадно хихикали, наблюдая за тем, в какое болото благодаря их заслугам превратилась моя жизнь.

Раньше меня убивали *ОНИ*.

Теперь меня убивал Август.

И меня душила обида. Да, чёрт возьми! Мне было больно. Я чувствовала себя преданной, обманутой! Ведь больше всего на свете я не понимала одного: как мальчик, который был моим защитником, который был ко мне добр, как никто другой... Мальчик, который каждый день утешал меня и заставлял не терять надежды, мог стать таким жестоким чудовищем?... Выходит, я никогда не знала этого мальчика? Выходит... изо дня в день, держа меня в объятиях, Август всего лишь претворялся?... Надевал маску? Лгал мне? Но как это возможно? Разве не Я его создала?!

Я ничего не понимала.

С каждый днём мыслей в голове становилось всё больше и больше, они казались огромным, ни на секунду не умолкающим роем плёл! Прогнать их не удавалось. Понять их не удавалось.

Я сходила с ума. Окончательно и бесповоротно.

Вход вновь пошло успокоительное и снотворное. А ещё сигареты. Начинался нервный тик, меня постоянно трясло, а стоило кому-либо обратиться ко мне по этому имени... *Глория*, и я подпрыгивала на месте от испуга, а сердце в груди колотилось с такой силой, словно вот-вот и остановится ко всем чертям.

Я говорила сама с собой.

Я говорила со своим отражением.

Я говорила с Августом.

Просила его, приказывала, умоляла ни причинять вреда Дине! Забыть о ней, и близко не думать сунуться, а я взамен я готова была сделать всё, что угодно! Каким бы ни было его условие, я готова была сделать всё!

Но Август не отвечал. И за последнюю неделю больше ни разу не появился. Но, в то же время я знала – он рядом. Он всегда был рядом со мной! Чувствовала это каждой клеточкой кожи. И я знала, что ему нужно... Свобода. Освобождение. И я готова была её ему дать! Пусть забирает! Пусть проваливает! Но... всё это было самообманом. Я пыталась заставить себя поверить в то, что больше не нуждаюсь в Ав-

густе, что он мне не нужен. Я пыталась убедить себя в том, что десятки вопросов мучающих меня изо дня в день, словно десятки зудящих колотых ран на сердце, пустые и бессмысленные! Что ответы на них мне знать ни к чему. Глупо. Неинтересно.

И чем больше я пыталась в это верить, тем сильнее становился самообман. Тем сильнее я вновь привязывалась к Августу.

Это была моя ошибка. Но, в первую очередь, это было ошибкой Августа. Оказалось... не только я его плохо знала, но и он... знал меня не так хорошо, как был в этом уверен.

В течение двух недель я каждое утро проспалась под стук каблуков Марго. Со временем даже привыкла. Со временем даже дождь из игральные карт, что каждое утро встречал меня на выходе из квартиры, стал чем-то само собой разумеющимся. Не знаю, то ли безумие достигло того уровня, когда уже стало всё равно, когда уже удивляться нечему, то ли... то ли «фокусы» Августа стали однотипными и неинтересными.

– Глория...

– Глория...

– Глория сыграем в картишки? – шептали мне прохожие.

А я перестала реагировать.

Парень-администратор в интернет-кафе дал мне сдачу парочкой блестящих лезвий, но, стоило мне их коснуться и они тут же превратились в обычные монеты.

Фотография Марго стала заставкой компьютера, который

я занимала, но стоило кликнуть по ней мышкой, и на место возвращался чистый голубой фон.

Один из доберманов Августа провожал меня от одного кафе к другому, где я безуспешно пыталась получить работу, а стоило лишь шикнуть на пса и велеть убираться в ад, он тут же растворялся в воздухе чёрной дымкой.

Дома из крана текла кровь, а не вода. К этому я тоже очень быстро привыкла.

По ночам мерещились призраки; шептались и завывали. А однажды, выйдя утром на кухню я обнаружила за плитой свою давно умершую мать... Это было, как удар кинжалом в самое сердце. Это и стало последней каплей.

Я кричала, билась в истерике, звала Августа и проклинала его, как только умела! Я была готова испытать самую дикую физическую боль на свете, чем и дальше участвовать в этих безумных играх разума! То, что внушал мне Август, то, что заставлял видеть и чувствовать, не шло ни в какое сравнение с любимыми физическими пытками!

Я больше так не могла... Он сломал меня. Я возненавидела Августа каждой частичкой души. Я думала, что готова его отпустить! Я мечтала, желала больше всего на свете, чтобы он навсегда проваливался туда, откуда пришёл и оставил меня наконец в покое.

Самообман становился сильнее. Всё сильнее и сильнее.

Чем больше я пыталась оттолкнуть от себя Августа, тем больше начинала в нём нуждаться.

Безумие, боль, страх, жизнь на грани – всё это моя стихия. Стихия, в которую насильно погрузили меня Марго и Филип. Стихия, в которую Август меня вернул.

Но поняла я это слишком поздно. Тогда, когда успела поверить, что у меня всё ещё есть надежда на нормальную жизнь. Тогда, когда наивно решила, что Август наконец оставил меня в покое, прекратил изводить, прекратил превращать моё существование в ад крошечный.

Галлюцинации прошли, прохожие больше не звали меня по имени «Глория», Марго и Филип нигде не мерещились. Это было самым настоящим освобождением! Клянусь, давно я так хорошо себя не чувствовала...

... и даже это было самообманом.

Думая, что Август исчез, получил заветную свободу, испытывая от этой мысли облегчение, одновременно с этим меня накрывало тоской.

Я ненавидела себя за это больше, чем кто-либо может себе представить. Ведь это было так глупо, так неправильно, так абсурдно – тосковать по тому, кто стал для тебя источником страданий.

По тому, кто когда-то был источником твоей жизни. Единственным её источником.

Самообман достиг своего апогея. А затем лопнул, как мыльный пузырь. Тогда и настал час признаться себе в том, в чём так боялась признаться... Я могла презирать Августа, ненавидеть за то, как он со мной поступал, но я не могла его

отпустить. Всё ещё не могла. Причин было недостаточно.

А я уже говорила, что была неимоверна глупа?..

Глупая, одинокая, сломленная. Я чувствовала себя мазохистом. Наркоманом, которому срочно нужна доза. Мне было жизненно важно снова увидеть Августа и получить ответ хотя бы на один из десятков вопросов!

И тогда он пришёл.

Вот только...

– ...вот только я не думала, что моё личное безумие способно стать общественным, – цинично усмехаюсь, глядя на то, как Ева крутит между пальцами шариковую ручку и никак не может оставить её в покое.

– Тебя взяли на работу в диско-бар «Голливуд»? – сверившись с бумагами, интересуется.

– Да, – пожимаю плечами. – От Голливуда, правда, одно только название. Грязное развратное местечко, но зарплату обещали неплохую, если буду работать в ночь два через два. Всё же лучше, чем ничего. Вот только я не знала, что первый же выход на работу станет для меня сушим кошмаром.

** ** *

– Хорошо, Ника. Надеюсь, ты всё поняла, – не особо приветливо улыбалась мне блондинистая официантка по имени Джуди (настоящего её имени я так и не узнала), проводя

небольшую экскурсию по комнате отдыха для персонала. – Смотри, вот это твой шкафчик, а вот эта маленькая тряпочка, да-а-а... угадала, это твоя униформа. Можешь переодеться и в путь!.. О, приветтики! Глянь, Ника, а вот этот сексуальный брюнет позади тебя, – захлопала коровьими ресницами и кивнула на кого-то за моей спиной, – это Максим, администратор бара и наш с тобой непосредственный начальник. Ну же, повернись и поздоровайся, дурочка. Мама не научила быть вежливой, или чё?

– Я... я, да! – Спихватилась, улыбнулась и круто развернулась на девяносто градусов. – Здравствуйте, Максим! Меня зовут...

Но собственное имя застряло где-то в горле, а кислород вдруг показался удушающим газом.

Позади меня, широко ослепительно улыбаясь и сверкая опасными и острыми, как звёзды глазами, стоял Август в брюках и идеально выглаженной чёрной рубашке, а бейдж на его груди говорил о том, что передо мной администратор диско-бара «Голливуд» по имени Максим.

– Добро пожаловать, Ника, – протянул мне руку для рукопожатия и губы его изогнулись в едкой ухмылке. – Повесялимся?

Глава 6

Это самое трудное испытание – испытание гневом и отчаянием. Не позволяйте гневу и отчаянию помешать вам мыслить. В этом суть, от этого зависит, сможете ли вы или нет контролировать ситуацию. Командовать людьми. Глупость и равнодушие бьют сильнее всего.

© Томас Харрис, «Молчание ягнят»

Ева принесла мне кофе. Солгу, если скажу, что ни капли ей за это не благодарна.

– Спасибо, – гремя наручниками, придвигаю пластиковый стакан ближе. «Отличного дня» – желает мне надпись. – Глясе? – сделав глоток, в лёгком удивлении вскидываю глаза на Еву.

– Да. В МакДональдс не особо большой выбор кофе, – пожимает плечами. – Не любишь Глясе?

– Наоборот. Десять из десяти, в самое яблочко попали, доктор. – В подозрении щуру глаза. – Совпадение?

– О чём ты, Ника? – улыбается Ева. – Это просто... кофе. Лучше расскажи, как спалось? Ты выглядишь лучше.

– Да, поспала немного. – На протяжном выдохе откидываюсь на спинку стула и делаю очередной глоток из стакан-

чика. О, да вот же он – вкус самой жизни!

– Готова продолжать беседу?

Беседу... Ха. Если бы добрый доктор Ева не успела подмазаться ко мне с помощью кофе, клянусь, я бы злобно рассмеялась в ответ на это её милейшее «беседа». С заключёнными в СИЗО никто не беседует. Их здесь допрашивают.

Ева не дожидается моего ответа. Достает из своего бесценного лакированного портфеля папку с бумагами и открывает на столе.

– Хочу показать тебе кое-что, – бросает на меня взгляд из-под бровей. – Взгляни на фото, пожалуйста. Узнаешь этого человека?

– Да, – смотрю на лучезарно улыбающегося блондина на фото, – следователь уже раз десять мне это показывал.

– Это Игорь. И он единственный администратор в диско-баре «Голливуд», – добавляет Ева.

– Об этом я тоже не раз слышала, – отвечаю без какого-либо интереса. – Как и о том, что администратор по имени Максим в «Голливуде» никогда не работал.

– Коллектив бара также никогда не видел никого похожего на человека, которого описываешь ты, Ника, – вздыхает Ева и с сожалением качает головой. – Никто и никогда... не видел Августа. Мне жаль, но...

– А записи с видеокamer? – перебиваю, а Ева всё продолжает качать головой.

– Увы, но диско-бар «Голливуд» не располагает дорого-

стоящим оборудованием. Их видеокамеры... их всего две и когда место на картах памяти заканчивается, запись начинается заново. Накладывается одна на одну. Мне жаль, но записей с той ночи, когда ты вышла на работу, давно уже нет.

– Или их просто стёрли. Кто-то один стёр, – говорю с недоверием.

– Нет. Не думаю, – вздыхает Ева.

– Значит, вот он – вывод нашей *беседы*? – невесело усмехаюсь.

Ева выдерживает многозначительную паузу, за время которой я успеваю решить, что наши встречи действительно подошли к концу, и мне даже немного жаль, что я не успела выложить все до единого секреты Августа, но тут доктор заявляет:

– Есть один человек, который уверяет, что ты говоришь правду, Ника.

– Что? – напрягаюсь, точно зная, о ком идёт речь. И я во что бы то ни стало, не хочу говорить об этом человеке! Потому что ему же лучше, если он будет держаться от меня как можно дальше!

– Так вот оно что... – И тут до меня доходит. – Так это *он* отправил вас ко мне.

– Ника...

– Кто вы ему? Сестра? Подруга?.. Девушка?

– Ника, поверь, если бы я не была заинтересована в твоём деле, никакие уговоры капитана Баженова на меня бы не

подействовали.

Внутри всё сжалось, слёзы защипали глаза, а на сердце при одном лишь упоминании о Роме открылась ещё одна, не так давно затянувшаяся, рана.

– Вы не ответили на вопрос, – произношу без единой эмоции в голосе, упрямо глядя в стол, и слышу короткий вздох Евы.

– К делу это не имеет никакого отношения, Ника, но если для тебя это так важно, то... мы с Романом хорошие знакомые. Товарищи.

– Как он? – вдруг спрашиваю, и тут же до боли прикусываю язык, коря себя, что вновь делаю то, чего поклялась больше никогда в жизни не делать! Мне не должно быть дела до всего, что связано с Ромой. Где он, как он, что с ним – запрещённые вопросы.

– Вы ведь благодаря Августу познакомились? – задаёт вопрос Ева и мой взгляд тут же приковывается к её преисполненному спокойствия лицу.

– Кто вам это сказал? – голос мой скрипит, как ржавая ставня. – Ро... Рома?

– Да, – тут же соглашается Ева, и в моей груди вспыхивает огонёк надежды. Но гаснет он уже со следующими её словами: – Но лишь потому, что ты ему так сказала, Ника. Ты заверила Романа, что они с Августом однажды виделись и даже успели повздорить.

– Рома не помнит... – выдыхаю, устремляю взгляд на свои

дрожащие руки и до боли стискиваю зубы, чтобы не завывать от боли, от обиды и бессилия.

Никто не помнит.

Никто...

Август... Он со всеми это сделал! Он замёл все свои следы! Все до единого!

– ... но это не значит, что Роман не верит тебе, – долетают до меня обрывки фраз Евы. – Он не считает тебя... психически нездоровой.

– Это просто жалость, – выдавливаю из себя.

– Жалость, по которой капитана следственного комитета отстранили от твоего дела, обвинив в превышении полномочий из-за личной заинтересованности?.. О, я совершенно точно уверена, Ника, что жалость тут не при чём.

– Я не хочу говорить об этом.

– Я не настаиваю, – голос Евы звучит мягче. – Лишь пытаюсь понять: Август познакомил вас с Романом, или это действительно была роковая случайность?

– *Познакомил?*.. – с пренебрежением фыркаю, цепляясь за одно единственное слово. – Август... познакомил нас с Ромой?.. Хм, шутите? Август *выбрал* его! Выбрал просто потому, что ему так захотелось! Но, думаю, даже Август понятия не имел, кем же на самом деле окажется Рома и как невероятно сильно будут похожи наши истории. И мне действительно очень... очень жаль, что я согласилась на эту чёртову сделку с Августом.

– Ты лишь хотела защитить Дину.

– Правда так думаете? – отравлено улыбаюсь. – Я плохой человек, Ева. В моей жизни не было ни одного поступка совершённого без личной выгоды. Да, я пыталась защитить Дину, но в первую очередь... я хотела доказать себе, что чего-то стою. Как и хотела доказать Августу, что я вовсе не такой жалкий кусок дерьма, каким он мне считал.

** ** *

Первый день, а точнее – первая ночь на моей новой работе стала настоящей пыткой. Все мои иллюзии и вера в то, что кошмар под названием «Август» наконец закончился, пылью разлетелись по ветру. Теперь мой кошмар стал реальностью.

Теперь Августа могла видеть не только я, но и другие люди. Они могли говорить с ним, касаться его, смеяться с его глупого юмора, который я никогда не научусь понимать... С ними Август вёл себя иначе и это, признаться, невольно бесило! Его любезность, его открытые улыбки, вежливость... Это его идиотское притворство, но такое матёрое, что, уверена, будь я на месте той же Джуди, даже и мысли не смогла бы допустить, что весёлый и приветливый парень передо мной вовсе не тот, кем кажется. Что глаза эти принадлежат настоящему демону, а речи его настолько же сладки, насколько и опасны.

Он следил за мной. Он превращал мой первый выход на работу в кромешный ад, потому что я не могла взять себя в

руки, не могла прекратить дрожать, не могла унять лихорадочные мысли в голове, как и не могла избавиться от десятков вопросов не дающих покоя.

Разнося выпивку, чувствовала, как взгляд Августа прожигает спину. Принимая заказы, переспрашивала по несколько раз, чем раздражала клиентов, а шариковая ручка так сильно дрожала в руке, что почерк превращался в трудно различимые каракули первоклассника.

Во время перерыва он появился в комнате отдыха для персонала и тут же приковал к себе внимание двух девочек-официанток. А то, как он с ними флиртовал, искоса поглядывая на меня, вызывало и приступ тошноты и приступ страха одновременно, потому что я никак не могла понять, для чего он это делает? Чего добивается? И... что ждать от него дальше, как далеко Август может зайти?.. Я понимала, что мне жизненно необходимо поговорить с ним наедине, но, в то же время, делала всё возможное, чтобы оттянуть этот момент. Я старалась на него не смотреть, делала вид, что не слышу его голоса, и даже когда он позвал меня...

– Ника?

... я далеко не сразу нашла в себе мужество, чтобы встретиться взглядом с его дьявольскими глазами.

– Как проходит первый рабочий день? Всё хорошо? Посетители не обижают? – лукаво улыбнулся, и я почувствовала настолько мощный приступ тошноты, что уже через несколько секунд была в туалете над унитазом.

Я хотела сбежать домой, вырваться из этого кошмара... Но понимала и то, что от Августа не сбежать. Дом мне больше не укрытие.

На помощь пришли две таблетки успокоительного, прохладный ночной воздух во внутреннем дворике бара, и несколько сигарет.

– Брось гадость, – приказом прозвучало в самое ухо и, одновременно с тем, как я подпрыгнула на месте, сигарета выпорхнула из руки и оказалась на земле под ботинком Августа.

– Почему они могут тебя видеть?! – тут же вылетело из моего рта, словно пушечный выстрел. – Какого чёрта, Август?!

Он ждал... Ждал такой реакции. Более того, – он упивался ею. Ленивая улыбка, медленно растягивающаяся на тёмных губах, говорила о том, что он доволен моей реакцией на своё появление, на то представление, что он устроил! Блеск в глазах завораживал и в то же время до дрожи пугал не хуже чем дуло у виска. Прекрасный... Внешне настолько прекрасный, что как бы страшно не было, невозможно было отвести от него взгляд. Всё в нём завораживало, гипнотизировало, кружило голову... Парадокс: меня тянуло к нему словно магнитом и, в то же время, хотелось сломя голову бежать прочь.

Попятилась. А Август подходил ближе. Медленно... Насколько медленно, словно это эффект такой, словно ему и время подвластно! Плечи напряжены, руки в карманах брюк,

голова слегка опущена и взгляд исподлобья пронзает насквозь, так что мурашки бегут по коже. Дышать стало трудно. А сердце колотилось так часто и так быстро, словно играет наперегонки со смертью.

Лопаткам стало больно – с такой силой я вжималась в кирпичную стену. Но пути к отступлению не было, Август оказался практически вплотную, его руки по обе стороны от моей головы, а губы так близко, что волей-неволей на них замирал взгляд.

И это ему тоже нравилось.

– Ты воняешь. Не кури больше, – дрогнули губы. Не в просьбе – в тихом приказе.

Рука легла на мою талию, заскользила вниз, а уже спустя миг Август вытащил из переднего кармашка моей униформы помятую пачку сигарет.

– Сделаю тебе одолжение – выброшу эту дрянь. Не благодари, – ухмыльнулся, взмахнул рукой и, даже не обернувшись, попал точно в урну за спиной.

– Сделай ещё одно: проваливай к чёртовой матери, – ответила шёпотом, но довольно внушительным.

А Август лишь рассмеялся в ответ:

– Да я бы с радостью, Рони! Вот только ты, идиотка, этого не хочешь.

– Я... я хочу.

– Лжёшь ты тоже так себе, – прищёлкнул языком и оказался ещё ближе, так что грудь прижалась к моей, а кончики

носов едва не соприкоснулись. И, чёрт возьми, внутри меня случился самый настоящий бунт чувств. Эмоции были настолько противоречивы, что самой себе стала противна. Ведь понимала: ОН – больше не тот прекрасный мальчик, но в то же время испытывала какой-то неправильный большой кайф в присутствии того, кем этот мальчик стал.

Август не знал этого. Он не мог читать мои мысли и чувствовать то же, что чувствовала я. Выводы, которые он делал отталкивались лишь о того, *что* он видел, *что* слышал, и какой меня помнил.

– Почему они тебя видят? – повторила один из десятка своих главных вопросов. – Дина не видела, а они...

– А они видят, – перебил, делая шаг назад и скользя по мне оценивающим взглядом; захотелось чем-нибудь прикрыться. – Видят, потому что *Я* так захотел.

– Это не ответ.

– Тогда что же это? – резко вскинул на меня глаза и словно пригвоздил взглядом. – *Я позволяю* им себя видеть, – не больше и не меньше.

– Почему они ведут себя с тобой так, словно вы давно знакомы? – пыталась удачу докопаться до истины.

А Август продолжал вести себя так словно эта игра, которая его очень забавляет.

– Потому что *Я* так захотел. Хочу – видят. Не хочу – не видят. Круто, да? — ухмыльнулся и добавил: – Тебе идёт это платье.

– Это униформа.

– Тебе идёт эта униформа, – игриво дёрнул бровями. – Ну?

– Что? – смотрела на него с опасением.

– Я сделал тебе комплимент и хочу услышать: «*Спасибо, Август. Ты такой душка, Август*». Ладно, последнее можешь не добавлять, я и так это знаю.

Тишина.

Я не понимала его легкомыслия. Не понимала, почему ведёт себя так расслабленно, если – сам сказал, – время поджимает. Понятия не имею, что конкретно он имел в виду, но в прошлую нашу встречу я всем своим нутром чувствовала исходящую от него угрозу, а теперь... теперь он, кажется, веселился.

– Зачем ты это делаешь? – наконец отлипнув от стены, смогла расслабить плечи и сделать вдох поглубже.

Август присел на перила, достал из кармана два... два чупа-чупса (?!), один забросил за щёку, а второй протянул мне:

– Клубничный. М-м?

Коротко покачала головой:

– Ты... ты серьёзно сейчас?

– Ну как хочешь, – пожал плечами и спрятал леденец обратно в карман.

– Август, – позвала как можно спокойнее, – что происходит?

– Так ничего и не вспомнила? – с задумчивым видом про-

тянул спустя паузу.

– Помоги мне вспомнить. И тогда... тогда...

– Тогда, – что?! – зарычал вдруг, и я вздрогнула, впившись зубами в нижнюю губу. – Тогда у тебя наконец проснётся совесть, и я смогу свалить от тебя... ЭМ-М, куда ты там меня посылала?

– Я...

– Да не важно, заткнись, – отмахнулся, словно этот разговор ему ужасно наскучил.

Где-то вдали залаяла собака.

Из дома напротив донеслась ругань. Затем звякнули бутылки.

А проезжающий мимо автомобиль на мгновение ослепил фарами.

И это всё на что я пыталась отвлечься, чтобы оттянуть ту секунду времени, когда вновь придётся заговорить с Августом.

– Я... я просто... – набрала в грудь побольше воздуха и наконец решила продолжить, хоть и точно знала, что именно этого добивался Август – ему нравилось видеть меня такой. – Мы ведь можем просто поговорить. Я... я пытаюсь понять тебя. Пытаюсь понять, для чего ты меня изводишь! Пытаюсь как-то проанализировать всё то, что происходит, сделать какие-то выводы и при этом не сойти с ума, чёрт! Но... – тяжело вздохнула, всплеснув руками, – пока что получается плохо.

И вновь тишина.

– Август, просто объясни мне всё, – добавила громче. – Помоги вспомнить. Мне нужно понять, для чего...

Он так резко приблизился, что я и моргнуть не успела; обвился руками вокруг талии и рывком притянул к себе.

– ЧТО?! Что ты хочешь услышать?! Почему я здесь? Что делаю? Чего добиваюсь? Эти вопросы тебя мучают, Рони? *О-о-о... бедная-бедная Рони...* – зашипел и к носу устремился сладкий запах конфеты. – Зачем спрашиваешь, если и так знаешь ответы?.. Ты лишила меня жизни. Лишила свободы. Лишила меня... *моих крыльев*. И ни черта из этого не хочешь возвращать! Всё ещё нуждаешься во мне... Всё ещё не можешь отпустить. Это даже смешно. Смешно, что такой жалкий кусок дерьма, как ты, Рони, может быть ещё и законченной эгоисткой. У тебя было целых пять лет, чтобы научиться жить без меня. Но ты, дура, ни то, что без меня, – ты в принципе жить не научилась. И других за собой в эту яму тянешь. И знаешь, что во всей этой ситуации огорчает меня больше всего?..

Прижался губами к самому уху и с такой злобой, с такой ненавистью зашептал, что слёзы невольно потекли по щекам.

– А больше всего меня огорчает то, Рони... что я даже не могу... просто права не имею позволить тебе наконец сдохнуть!

И он толкнул меня. Толкнул с такой силой, с такой яростью во взгляде, что ещё на пути к стене в которую летела,

успела понять, насколько сильно Август меня ненавидит. Насколько же велико его отвращение ко мне. И, самое печальное... что я была вполне способна его понять.

А затем удар. Вспышка боли в голове. Перед глазами взорвались снопы искр, на смену которым пришла тьма. Но она длилась всего несколько секунд, ведь когда я снова распахнула глаза, Август был всё там же – передо мной. На земле. *И он корчился от боли.*

– Чёр-р-рт... – рычал сквозь зубы одно ругательство за другим. – Чтоб тебя... Дьявол...

Коснулась пальцами затылка. Крови нет, но боль такая, что до сих пор звенит в ушах, а черепушка, кажется, ещё немного и треснет. *Если ещё не треснула.* Если не...

– Чёрт! – а это выругалась я. И ещё взвизгнула в придачу. Потому как два горящих алым глаза оказались перед лицом так внезапно, что времени на узнавание просто не осталось.

Тёплое дыхание из пасти одного их доберманов коснулось кожи, а его утробное рычание подсказывало, что лучшее, что я сейчас могу сделать, это попросту не шевелиться.

– Да знаю я, – слышался ворчливый голос Августа, что прижимая обе ладони к животу, шатаюсь и всё ещё корчась от боли, поднимался на ноги; из уголка его рта сбегала струйка крови. А разговаривал он не иначе, как со вторым доберманом. – Отвали. Отвали, сказал! Чёртов Тузик.

Пёс передо мной зарычал громче, но... вовсе не на меня. Тогда-то и поняла: они здесь не для того, чтобы пугать ме-

ня... они здесь для того стать преградой между мной и Августом.

– Я всё равно ничего не смогу ей сделать, отвянь, блохастый! – продолжал ругаться Август, привалившись к перилам и опустив голову. – Да знаю я... Знаю, говорю! Закрой пасть уже, мне тут больно вообще-то, бездушное ты животное! Что?! Я сам виноват? Я ещё и виноват значит? Охренеть, братан. Ты вообще за кого меня держишь, а? Можешь забыть про пончики, понял?.. Ничего не знаю. Дотявкался.

Он говорит с собаками?..

Пожалуй, это тоже можно было отнести к самым большим странностям в моей жизни. И, да, пусть это были не совсем собаки, но совершенно точно было ясно одно: псы рычали, а Август отвечал на это рычание.

– Эй! Ну куда вы оба подевались-то? – одновременно с тем, как распахнулась дверь запасного выхода, раздался голос Джуди.

Я до сих пор помню её изумлённое лицо при виде меня на земле, держащейся за голову, и Августа, что привалившись к перилам, сжимал окровавленные зубы и через боль пытался улыбнуться.

– Что у вас здесь, чёрт возьми, произошло? – хмурясь, протянула Джуди, глядя на нас с Августом по очереди.

– Лбами столкнулись, – нашелся, что ответить Август и скривился в кислой мине. – Вали отсюда и притворись, что ничего не видела!

Я даже не удивилась, когда Джуди, словно находясь под глубоким гипнозом, послушно кивнула и отправилась обратно в бар.

– Да, и кофе мне там сделай! И сахара побольше! – крикнул ей Август вдогонку и вперился сердитым взглядом в моё мокрое от слёз лицо.

Думаю, что Август никогда не узнает, что в ту ночь я плакала вовсе не от физической боли... Я плакала от понимания одного жестокого факта, от вывода, к которому Август меня невольно привёл. Когда больно мне – больно и ему, больно в десятки раз сильнее. Выходит, что всё это время, и всё то время, когда Марго и Филип мучали меня... моя боль была ничем. По сравнению с тем, что приходилось испытывать Августу.

– Ещё вопросы? – вопросительно выгнув бровь, взглянул на меня с острым предостережением и протянул руку, за которую я долго не решалась взяться, чтобы подняться с земли.

На удивление, его рука оказалась тёплой.

– Да. Только один, – смотрела на него уверенно, хоть и никак не могла унять слёзы. – Что я должна сделать, чтобы ты смог уйти? Как... как мне вернуть тебе свободу?

На короткое, почти неуловимое взору мгновение, в чёрных глазах Августа мелькнули искорки хорошо знакомого мне света, но голос прозвучал холодно и жестоко:

– Ты ничего не можешь сделать, я наконец это понял. Ты слабая. Никому не нужная. Цепляешься за меня, как за по-

следнюю соломинку над бездной. И ты знаешь это, Рони... по своей воле ты никогда меня не отпустишь.

– Но я готова! Готова пытаться! – с отчаянием воскликнула ему в спину, когда Август уже направлялся к двери.

Замер. Выждал паузу. И медленно повернулся ко мне лицом.

Его лицо было пустым. Абсолютно. Без единой эмоции.

– На это нет времени, – наконец произнёс. – Ты думала, что все эти годы жила в аду?.. Не-е-ет. Я покажу тебе, что такое настоящий ад. Покажу, что такое умирать изнутри, Рони. Обещаю, это будет больно.

– Что ты задумал? – бросилась за ним следом, схватила за локоть, но Август тут же сбросил с себя мою руку, словно что-то мерзкое и заразное. И прежде чем он ответил, я уже поняла ответ.

– Завтра у меня свидание с твоей подружкой. Тебя звать не стану, будешь лишней, – гнусно улыбнулся. – Я заставлю тебя меня возненавидь, если ты сама не можешь.

– Нет... Нет-нет-нет, – затрясла головой. – Только не Дина. Только не она, умоляю!

– Умоляешь? Хочешь, чтобы я и дальше продолжал тебе прислуживать?.. Как же это низко с твоей стороны, – глумливо усмехнулся. – Заведи себе пёсика, Рони и отрывайся по полной... пока ещё есть время.

– Я не создавала тебя таким! – сорвалась на крик, и Август вновь остановился. А взгляд, которым посмотрел на ме-

ня в тот момент, клянусь, каким-то образом заставил меня почувствовать себя самым жестоким существом в мире.

Думаю, примерно таким взглядом я смотрела на Филипа и Марго за то, что они меня похитили, заперли и использовали в своих целях.

Боже... Я оказалась ни чем не лучше их.

– Ты создала меня?.. А я просил тебя об этом?.. Я заберею последнее хорошее, что осталось в твоей жизни, Рони, – спустя паузу произнёс Август тихим надломленным голосом и скрылся за дверью.

– Делай со мной всё, что угодно, мне плевать! Только не трогаю Дину! Умо... – распахнула дверь, но Августа за ней уже не было.

– Вы же не собираетесь сострадать ему, правда, Ева? – смотрю в застывшее лицо доктора. – Потому что это будет самая большая ошибка в вашей жизни. Ошибка, которую я однажды совершила, посочувствовав чудовищу. Нет ничего, что Август говорил, или делал бы без личной выгоды. Он мог казаться жалким, когда это было ему нужно. Мог казаться добрым и приветливым, заботливым и понимающим... в чём я убедилась на собственной шкуре. Но всё это – чистой воды притворство. Искренне Август не способен ни на что из этого. Он пуст внутри. В нём живёт темнота. И он мог называть меня, как угодно, мог считать, кем угодно... я точно знаю –

с бессердечностью Августа не сравнится никто в этом мире.

Ева берёт недолгий перерыв, а когда возвращается, на её лице вновь сияет тёплая улыбка и она оказывается способной продолжить разговор.

– Значит, Август принялся угрожать тебе Диной?

– Нет, – качаю головой. – Это была не угроза. Он поставил меня перед фактом, что собирается сделать с ней что-то плохое, и... что бы это ни было, я не могла этого допустить. Не могла допустить, чтобы «моя ошибка» причинила вред моей подруге. Хотя... даже не знаю, что двигало мною в первую очередь.

– Разве не твоя любовь к Дине? – предполагает Ева.

– Не только, – с горечью усмехаюсь и устремляю стыдливый взгляд на свои руки. – Я думала и о том... как сложно *мне* будет существовать, лишись я единственной опоры и поддержки.

– Все люди эгоистичны по своей натуре, Ника. О чём бы ты ни думала в той ситуации, безопасность Дины в любом случае имела для тебя значение.

– Наверное. Не знаю, – неуверенно. – Но знаю, что в тот вечер всё изменилось. В тот вечер Август и понял... что я по-прежнему могу им управлять, а он может управлять моими чувствами. В ту ночь, когда он толкнул меня, он сам вручил мне вожжи в руки. Ведь не знай я о том, как сильна наша связь, ни за что бы не решилась пойти на это...

– У тебя было много причин, чтобы решиться на такой от-

чаянный шаг, – помогает доктор, видя, насколько мне сложно говорить. – Да, это безумие, но пойти на него мог только очень смелый человек, Ника.

– Или больной всю на голову, – беззвучно усмехаюсь. – Я не была уверена, что Август явится вовремя, – голос мой становится всё более тихим. – И я много раз жалела об этом поступке. Ведь не вырядись я как шлюха и не пойди в таком виде в самый бандитский район города, Августу не пришлось бы меня спасать, что в итоге привело его к озарению, – он нашёл новый способ отвязать себя от меня и обрести долгожданную свободу.

– Он понял, что заставить тебя перестать нуждаться в нём можно и другим способом?

– Да. И актёр из него вышел хороший. Актёр... которого я случайно полюбила, – иначе, по-настоящему. И это в планы Августа не входило. Или... или же на самом деле это и было его планом?.. Я не знаю.

– Он разозлился?

– Хуже. Он нашёл... нет, – он создал ещё один рычаг для управления мною.

– Роман?

– Ромы не должно было быть в этой истории, – киваю, глядя в стол. – Ведь то, что с ним сделал Август – самое ужасное из всего, что он мог сделать. Он заставил Рому меня полюбить. Он внушил ему эту любовь.

Глава 7

– Как долго ты принимала таблетки, Ника?

– Почему вдруг сменили тему?

– Ты знаешь, что у любого лекарства есть побочные действия?

– И почему отвечаете вопросом на вопрос?

Ева смотрит выжидательно. Но что я должна ей ответить?

– Довольно долго принимала, – в итоге сдаюсь и пожимаю плечами. – Это обычное седативное, в любой аптеке без рецепта продаётся, вам ли не знать?

– Вопрос не в том, насколько оно сильное, а в том, как часто и в каких дозах ты его принимала?

И тут до меня доходит, так что смех невольно вырывается изо рта!

– Думаете, это из-за таблеток я видела Августа? Думаете, он – моя галлюцинация? Ха! Так может и вы, доктор, и всё это, – обвожу комнату взглядом, – тоже... глюк?

Ева поджимает губы и устремляет взгляд в бумаги разложенные на столе, выдерживает паузу, а затем, как ни в чём не бывало, добавляет:

– Продолжай, пожалуйста. Что происходило дальше?

** ** *

«Я заберу последнее хорошее, что осталось в твоей жизни, Рони», – последнее, что я услышала от Августа. С тех пор он не появлялся. Как ни пыталась, как ни звала, он не выходил на связь. Это и стало толчком к одной из самых безумных и, возможно, жестоких идей, что только приходили мне в голову. Мне должно быть страшно, мне должно быть больно, тогда больно будет и ему. Тогда Август мне и ответит.

До его свидания с Диной оставалось около семи часов. На уговоры моя подруга не шла, что бы я ни говорила. Да, я могла бы запереть её дома, связать, в крайнем случае, но будет ведь и завтра, и послезавтра, и множество других дней, когда Август сумеет-таки до неё добраться. Поэтому действовать нужно было сегодня. Я не могла сидеть сложа руки. И я была готова на что угодно!

После смены в баре так и не смогла уснуть. Вру. Я даже не пыталась. Меряя квартиру шагами от спальни до кухни и обратно, не могла найти себе места, не могла успокоиться, не могла совладать с мыслями и чувствами. Эмоции переполняли, а десятки вопросов, так и оставшихся без ответа никак не давали покоя. Меня кидало из стороны в сторону буквально каждые несколько минут! Я ненавидела Августа за то, что он собирался сделать с Диной, и тут же жалела его, сочувствовала ему. *Винила себя.*

А затем снова ненавидела, ругала его! И снова пыталась понять. Оправдать!

И себя оправдать пыталась.

Это ужасно. То, что я сделала с Августом – ужасно. Лишь в этом была убеждена на все сто. Это я заперла его из-за своей эгоистичной натуры. Это я его придумала, вынудила стать моим защитником, моей жилеткой для слёз. Но я ни разу не задумалась о *его* чувствах, о том, каково *ему*, там, – взаперти.

Боже, да разве я могла подумать, что у моей выдумки могут быть чувства?.. Разумеется, я и мысли об этом допустить не могла!

Да, я виновата. Но я ведь не знала... не знала, что ТАК может быть. Кто вообще из здравомыслящих людей способен поверить в эту безумную историю про ожившего мальчика-фантазию? Да никто! А может... может, и нет всего этого? Может, я просто сплю? Или умерла и попала в Ад? О, это было бы неплохо. Лучше Ад, чем шизофрения.

В 17:10 я сумела-таки себя убедить, что действия Августа не что иное, как провокация.

Если Август собирался причинить Дине вред, для чего ему было идти с ней на какое-то там свидание? Кому оно нужно при таком раскладе? Август пытался задеть меня за живое, сделать меня уязвимой, доказать, что судьба Дины целиком и полностью в его руках. Август пытался влезть мне в голову, породить там хаос. И у него это неплохо получалось.

Неожиданно в голове родилась ещё одна умная мысль: а ведь Август ни разу не заикнулся, что собирается причинить Дине физический вред. Чтобы уничтожить человека во-

все не обязательно применять силу, – порой и одного слова достаточно. В любом случае, какие бы коварные планы на счёт Дины Август не строил, я была уверена в одном – просто так он от неё не отстанет. Разум Дины уже затуманен. И если для того, чтобы Август отказался от своих планов, перестал меня игнорировать и явился для разговора, мне всё же придётся сделать то, что задумала. Придётся заставить его выйти со мной на связь.

Приготовления были завершены, две таблетки успокоительного упали в желудок, а контрольный звонок Дине в лишний раз подтвердил – не передумала, свиданию быть. А ещё она назвала меня паранаидальной истеричкой.

На часах было 18:15, а свидание назначено на 19:00, так что тянуть больше было нельзя.

Сказать, что я чувствовала себя некомфортно шагая по улице в красном мини и на высоких каблуках – не сказать ничего. Я чувствовала себя ужасно. Чувствовала себя голой. Но, надо признаться, в тот день я впервые радовалась тому, что Динка с удивительной настойчивостью на каждый праздник дарила мне подобные предметы гардероба и заваливала косметикой, которой я не то что не пользовалась, а в принципе не умела этого делать. В кое-то векигодились вещички. Дина была бы в восторге, застань меня в таком виде.

Казалось, все до единого пялились на меня. Ужасались моему виду. Мужчины смотрели так, словно мысленно радовались, что их жёны и рядом с таким чудовищем, как я не

стояли. Женщины смотрели брезгливо, старушки ворчали, а молодые парни провожали свистом и глумливым смехом.

А может, и нет?

Не знаю... Может Дина была и права. Может, я действительно истеричный параноик и всем вокруг дела до меня никакого не было?..

Решила плюнуть. Ведь я не для себя это делала, а для Дины.

Подобные мысли казались спасительными. На тот момент я ещё не задумывалась, над тем, что движет мною на самом деле: эгоизм, любовь к подруге, желание доказать Августу, что он ошибается на мой счёт и я чего-то стою, или же просто чувство ответственности за создание, которое я впустила в этот мир. Пожалуй, точного ответа на этот вопрос у меня нет до сих пор.

Одно я знала наверняка: стоит вляпаться в какую-нибудь жуткую историю, и Август незамедлительно явится, а их свидание с Диной будет сорвано. Связь, о которой я узнала ночью у бара, придавала мне уверенности, вот только... тогда я ещё не знала всего. Я думала, общая физическая боль – главное, что нас связывает. На самом же деле всё оказалось куда сложнее.

Майский вечер был тёплым и безветренным. Последние лучи солнца ускользали за крыши домов, на небе вспыхивали звёзды, а в парке, один за другим, фонари, и по мощённым гладким булыжником дорожкам разливался тёплый

оранжевый свет. Рядом прогуливались парочки, держась за руку, кто-то целовался под сенью деревьев... Был слышен смех, лай собак и птичий щебет.

Я хорошо запомнила тот вечер. Всё вокруг казалось таким спокойным, умиротворённым, идеальным, в то время, когда внутри меня тикала бомба с часами.

Я завидовала им. Всем этим беспечным людям отдыхающим в парке. И мне было обидно, ведь я не могла так же. Даже если бы захотела, если бы пожелала начать всё с чистого листа, если бы смогла выбраться из болота, в которую превратила свою жизнь... не смогла бы. Поздно. *Август не позволит.*

На часах было без пяти минут семь, когда я ступила на улицы района, что местные прозвали швейкой. Это из-за швейной фабрики советских времён, что давно уже заброшена и оборудована молодёжью под место для тусовок. Я была там пару раз. Грязное жуткое местечко с разрисованными граффити стенами, заваленное пустыми бутылками от спиртного, окурками и использованными шприцами.

– Ну же, Август, отзовись! Перестань меня игнорировать. Откажись от свидания с Диной пока не поздно и тогда, клянусь, я прямо сейчас развернусь и убегу в обратном направлении, – шептала себе под нос, с ног до головы дрожа от дурного предчувствия и страха вернуться в «прошлое».

Но Август не появлялся.

И я двигалась дальше.

На улицах было полно народа. Мальчишки гоняли на великах, молодёжь собиралась в стайки, собираясь уходить в отрыв, а вот взрослых было почти не видно.

Я двигалась к местному магазинчику, точно зная, где стоит засветиться в первую очередь, чтобы привлечь к себе внимание. Так и случилось. Не успела переступить порог продуктовой лавки, как тут же раздался чей-то свист и что-то вроде: «Норма-а-а-ально так. Это ещё что за цыпа?».

Нервяк накрывал с головой. Пожалела, что не взяла с собой успокоительное. Бросало в пот, руки дрожали, зуб на зуб не попадал, когда просила у продавца бутылку пива в стекле и пачку синего «Winston». Пыталась говорить погромче, чтобы все в магазине слышали, но, думаю, больше было похоже на жалкий мышинный писк.

– Ты откуда такая будешь? – поинтересовался продавец, прищурившись. – Лицо кажется знакомым, но точно не местная.

Я его тоже узнала. Словно была здесь только вчера, а не больше пяти лет назад.

Я ничего не ответила.

Я была не готова к подобному. Знала, что не готова, но всё равно пошла сюда в таком виде, убеждая себя, что другого выбора у меня нет.

Я начинала паниковать лишь от мысли, что кто-то из этих вонючих пьяных мужланов будет трогать меня своими грязными руками. Но пойти на попятную я не могла, ведь теперь

время поджимало не только у Августа.

Выйдя на улицу, закурила.

– Тебе ведь не нравится этот запах, да, Август? Тогда я буду курить одну за другой до тех пор, пока ты не покажешься здесь.

Теперь я двигалась к заброшенной фабрике, где наверняка уже собрались на тусовку кто-то вроде моего сводного брата. Они-то и были мне нужны.

Август продолжал изводить меня. Продолжал игнорировать. Словно давно уже сделал ход и дожидается ответного, – так я решила. Но знал ли он, что я могу зайти так далеко?

– Сколько времени, дочка? – вдруг окликнул меня проходящий мимо старик, а я вздрогнула так, словно меня сам Сатана позвал.

Но не успела ответить, как старик вдруг хрипло и с нажимом добавил:

– Разворачивайся и тащи свою тощую задницу домой, идиотка!

– Ч-что, простите? – во все глаза уставилась в приветливое лицо старика.

– Времени, спрашиваю, сколько? – улыбнулся тот, и кивнул на телефон в моих руках.

Тогда и стало ясно, что Август меня слышал. Более того – Август был зол. Август приказывал мне вернуться обратно. И это, чёрт возьми, подействовало на меня так опьяняюще, что внутри всё ожило, кровь прилила к голове, и даже дыха-

ние участилось!

Я была близка к своей цели.

– Ты с башкой дружишь вообще?! – закричал на меня паренёк, спрыгнув с велосипеда. – Куда чешешь? Ты не местная! Тебя там дерьмом накачают, затем трахнут всей компанией и оставят валяться в собственной блевотине и соплях!

– О, да... Ты меня слышишь, Август. Слышишь! – В тот момент страх притупился. Я почувствовала, что не одна на этих улицах, и даже... даже смогла улыбнуться пониманию, что Август рядом.

– Тебя там отымеют и покалечат, дура! – заорал в мою отдаляющуюся спину мальчишка.

– А ты приди и забери меня, – ответила шёпотом и ускорила шаг.

В тот вечер мне открылась ещё одна страшная тайна Августа. Очень скоро мне довелось понять, что не только физическая боль связывает нас, но и страх смерти. Ведь оказалось, умру я и вместе со мной умрёт свобода Августа. Он был создан для того, чтобы меня защищать. По крайней мере, до тех пор, пока я не пойму, что больше не нуждаюсь в этом.

Я не собиралась идти до конца. Но я хотела, чтобы Август так думал. Чтобы понял, как было велико его заблуждение на мой счёт, и не нужно смотреть на меня свысока. Что меня не нужно дёргать за верёвочки, – я могу и сама двигаться! Могу дать ему то, что он хочет, ведь я не такая слабая и безвольная, какой он меня заклеил!

Находясь в некой странной для меня эйфории, я далеко не сразу вспомнила о Дине.

– Оставь Дину в покое, и я остановлюсь, – адреналин в крови повышался, и я уже могла выдвигать Августу требования.

– Ты что – самоубийца?! – зарычал на меня мужик, высушившись в форточку на втором этаже блочного дома. – Тебя там прикончат, дура!

– Но ты ведь не за меня переживаешь, правда, Август? – даже усмехнуться вышло. Уверенность в том, что я всё делаю правильно, росла.

– Не ходи туда! – в калитке частного дома в конце улицы показалась женщина в пёстром халате и с ведром в руках. – Я серьёзно, мать твою! Не ходи туда, Рони! Слышишь меня?! Я тут не шутки шучу!

– Почему? – прошептала. – Ты боишься, Август?

Я попала в самое яблочко, даже не целясь в мишень.

Я понятия не имела, что моя попытка доказать Августу свою решимость прольёт свет на одну из его самых главных тайн.

Он пытался заставить меня возненавидеть его, но при этом не мог отступить от главной своей обязанности – он должен был защищать меня от смерти любой ценой. Потому что от моей жизни зависела его жизнь. В каком-то смысле – Август попал в капкан.

– Если бы ты хотел причинить вред Дине, давно мог это

сделать, – продолжала говорить себе под нос. – Но ты продолжаешь изводить меня. Издеваешься надо мной. Это твой способ заставить меня возненавидеть тебя, да, Август?

– Ты, правда, думаешь, что я шучу? – поинтересовался у меня мужчина у грузовика. – Думаешь, жизнь твоей подружки для меня что-то значит?.. Один щелчок пальцами и этой крошки, что сегодня так чудесно пахнет, не станет. Я убью её, Рони. *Убью*. Этого будет достаточно, чтобы получить то, чего ты меня лишила?!

– Ты этого не сделаешь, Август. – Остановилась у развилки, одна из тропинок которой, вела напрямиком на заброшенную фабрику через заросший кустарником сквер. Обняла себя руками покрепче, набрала в грудь побольше воздуха и сделала шаг.

– Я убью её, Рони! – долетел в спину мужской ор.

– Не сможешь, – ответила уверенно. – Иначе я убью себя.

Глава 8

«Позови меня».

Нет. Не стану.

«Попроси меня».

Не хочу.

«Ты же знаешь, я НЕ перестану. Закричи!»

Я молчу. Я молчу!

«Почему же, воровка плачешь?»

Тебе больно? Моли – помогу».

Обещанье в кармашек спрячу,

И не стану просить – прикажу.

– Я бы этого не сделала. Не хватило бы смелости. Но Август об этом не знал, или... или знал, но, думаю, на ту минуту времени в его голове уже успел созреть новый план действий, и подыграть мне ему было выгодно. Да уж... представляю, какой идиоткой я выглядела в его глазах. – Вздыхаю. – Рисковать жизнью, не зная, к чему этот риск приведёт – это одно, это проще. А убить себя это... да бросьте, я половину своей жизни бежала от смерти, пусть и только сейчас это поняла, так что... разворачиваться я не собиралась.

– А что если Август принял твои слова всерьёз? Что если

он поверил в угрозу? – задумчиво смотрит на меня Ева, а я отравлено улыбаюсь в ответ:

– Будучи уверенным в том, насколько я слабая и трусливая? Сомневаюсь.

– Почему он тебя такой считал? – хмурится Ева. – Пережив то, что пережила ты, Ника, далеко не каждый смог бы найти в себе силы, чтобы двигаться дальше.

– Двигаться? – улыбка моя становится шире. – О чём вы? Я не двигалась, Ева. Я замерла. Пять лет назад замерла в мёртвой точке и дико боялась сделать даже один маленький шаг. Вперёд – страшно. А позади – обрыв. Август сдвинул меня с этой точки. Нет, – Август грубо толкнул меня в спину на много-много шагов. Вот только... в верном ли направлении были эти шаги?

** ** *

Передавать сообщения Август больше не мог – вокруг не было ни души. Поэтому, все, что мне оставалось это медленно двигаться в направлении швейки, шараться каждого звука в кустарнике и томительно ожидать, когда же появится Август.

А я не была уверена, что он появится. Всё то, в чём я уверена теперь, на тот момент было лишь догадками.

Во рту пересохло, в ушах циркулировала кровь, сердце билось на пределе. Но развернуться и сбежать я уже не могла. Это было бы стопроцентным проигрышем Августу.

Это бы лишь подтвердило то, какой Август меня считает. И кто угодно может называть меня глупой, легкомысленной, ненормальной. Плевать. Никто и никогда не будет на моём месте. Никто и никогда не сможет испытать то, что испытывала тогда я. Поэтому и судить меня некому.

Узкая тропинка виляла из стороны в сторону, колючки царапали ноги и, казалось, что с каждым шагом становится всё темнее и темнее. Птиц не было не слышно. Зато стали слышны голоса впереди и звуки музыки, а вдалеке замаячил жёлтый огонёк – костёр.

Сжав пальцы в кулаки и сделав вдох поглубже, зашагала быстрее и увереннее, как тут...

– Как же ты меня бес-с-сишь, а! – раздался раздражённый голос за спиной, и в этот раз я даже не вздрогнула при появлении Августа.

Он стоял позади меня и выглядел максимально недоброжелательно. По крайней мере, настолько сердитого выражения лица я у него ещё не видела. Он не выглядел опасно, или пугающе, нет. Скорее так, словно просто испытывает высшую степень недовольства.

– Чёрт возьми... Что это с тобой? – протянул, заметив, что на мне надето и, высоко вздёрнув брови, заскользил по телу издевательским взглядом. – Вот же дурочка, надо было сказать, что ты одеться забыла, я бы мигом примчался! Или... нет?

С весельем заглянул мне в глаза, подошёл ближе и то ли

фыркнул, то ли усмехнулся:

– А это ещё что? – ткнул пальцем мне щёку. – Ты накрусилась, Рони?.. Вау. Ты накрусилась! Я, конечно, дико извиняюсь, но эта помада тебе не идёт, выглядишь, как дешёвая шлюха. Аа-а. Так ведь и было задумано?.. Упс.

– Где Дина?

– Ты даже ногти накрусила?! Чёрт, Рони, у меня вот сейчас прям сердечко затрепетало.

– Август, где Дина?!

– Может ты ещё и тот уродливый спортивный лифчик сняла?.. Нет, стой, не говори! К этому я ещё не готов.

– Может, хватит? – пронзала его тяжёлым взглядом.

Август гаденько рассмеялся, запустил руки в карманы джинсов, сделал долгий протяжный вдох, а на выдохе привычная угроза вспыхнула в его глазах, губы сжались в тонкую линию, черты лица ожесточились.

– Ну ладно. Повеселилась? – зловещим шипением. – А теперь бегом домой умываться!

Схватил меня за локоть и дёрнул на себя, но протест во мне оказался настолько мощным, что я нашла в себе силы отмахнуться и решительно отступить назад – в сторону фабрики.

– Ты что это сейчас делаешь? – сузил глаза.

– Не подчиняюсь тебе, – отрезала сухо.

– А-а, понял, – отведя взгляд в сторону, закивал. – Характер демонстрируешь? Эх, Рони-Рони... глупая девочка. Ха-

раक्टर нужно показывать лишь тогда, когда он есть, а у тебя...

– Хватит! – перебила, на удивление твёрдым голосом. – Хватит меня унижать!

– Унижать? – вкрадчиво повторил и навис надо мной большой тенью. – Это я-то тебя унижаю?.. Тогда чем же занимаешься ты весь день, требуя моего появления и провоцируя убогой вылазкой, в убогом виде, в это убогое место?.. Почему было сразу не сказать: «К ноге, Август»! «Сидеть, Август»! «Рядом, Август»!

– Ты вынудил меня сюда пойти. И ты это знаешь. Скажи где Дина! Что с ней? Что ты с ней сделал?

– Я? – ткнул пальцем себе в грудь и повторил оскорблённо: – *Я сделал?*.. Это жизнь с ней сделала! Я тут причём вообще?

– Не смей смеяться над ней, – сквозь сжатые зубы. – Ты и ногтя её не стоишь!

– В таком случае должен сообщить, что у тебя чертовски дерьмовый вкус на парней, Рони.

– Я не создавала тебя таким!

Тишина.

– Ещё раз скажешь это, – утробным рычанием мне в лицо, – и, даю слово, я...

Но Август не договорил. Обернулся, а затем взглянул на меня с таким пугающе ликующим видом, что внутри всё сжалось от дурного предчувствия.

– Будем здесь говорить, или найдём местечко попримечнее? – поинтересовался скользко. – У тебя на размышления не больше минуты.

– О чём ты говоришь? – напряглась и уже спустя миг услышала мужские голоса с той стороны, откуда я пришла, и с каждой секундой они становились всё громче.

– Трое, – сообщил Август, явно наслаждаясь ситуацией. – И все далеко не трезвые.

– Прикажи им уйти! – выпалила вдруг, чувствуя, как внутри зарождается паника. – Ты же можешь! Как тогда, – с Джу-ди!

– Мм-м... не припомню такого, – с неряшливым видом поскрёб затылок пальцами, сложил руки на груди и самодовольно ухмыльнулся.

Они приближались. Слова становились чётче, а смех громче. И Август совершенно точно не собирался их прогонять.

Была мысль прыгнуть в кусты, но осуществить задуманное так и не смогла, и помешала мне не тройка парней сомнительного вида, а рука Августа внезапно схватившего меня за локоть, в момент, когда я уже было сорвалась с места.

Он остановил меня.

Он толкнул меня к ним в руки.

Август хотел меня проучить. Но больше всего остального, Август хотел доказать мне, что я по-прежнему в нём нуждаюсь. Завишу, как и тогда, – пять лет назад.

– Опа-опа! Эт чё за нимфа? Пацаны я «белку» словил, или там реально тёлка стоит?

– Я её видел. В магазине. Пивасик брала.

– Ничё такая.

Я пыталась отмахнуться. Невинно улыбалась и делала вид, что оказалась в этом сквере случайно, свернула не туда и заблудилась. Но три пьяных отморозка не собирались отставать, и я знала, что так будет, нарвись я на кого-то из компании, зависающей на швейке.

Один из них обхватил меня за плечи и, заверяя, что компания у них дружелюбная, повёл на огонёк костра. Второй выхватил у меня из рук бутылку с пивом, которую я купила лишь для вида, и заорал на всю округу:

– Гляди-ка! Ещё и бухлишко с собой притащила! Красава ващ-щ-ще!

– Мне... мне действительно пора. Я просто не туда свернула!

– Да не бойсь, малая. Не обидим. Пойдём отдохнём, все дела, – притянул меня к себе третий и заскользил по телу раздевающим взглядом.

А Август в это время стоял неподалёку и с очевидным удовлетворением на лице наблюдал за происходящим.

– Тебе же хуже будет, – прошептала, уверенно глядя в блестящие глаза Августа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.